

Василий ПЕСКОВ

*С радостью
Василий!*

Юлиан

КЛЮЧИ ОТ ВОЛГИ

НОВОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Михаил Васильевич Песков
1907-1978

КОМСОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 12. Ключи от Волги**

«ИД Комсомольская правда»

ББК 94

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 12. Ключи от Волги /
В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий
Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-888-4

В 12-м томе собрания сочинений обозревателя «Комсомольской правды» В. Пескова вы вместе с Василием Михайловичем пройдете по российским проселкам (именно так называется его новая рубрика) и побываете на Северном полюсе вместе с легендарной лыжной экспедицией «Комсомольской правды».

ББК 94

ISBN 978-5-87107-888-4

© Песков В. М.
© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	8
1978	10
В лесах над Вяткой	10
Черно-белая магия	13
К человеку...	15
Что делать с волком?	18
Начало и продолжение	25
У Толстого Мыса	25
Старожилы	28
Кодинская заимка	31
Птичьи постройки	34
От деда – внукам...	38
Ванкувер верит в разрядку	42
Храбрец	43
Полуостров сокровищ	45
Проселки	54
Пастух	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Василий Песков

Полное собрание сочинений.

Том 12. Ключи от Волги

«Краеведение – это хождение по земле! Неторопливое, обстоятельное. И главная награда при этих неспешных и чаще всего недалеких передвижениях состоит не только в общественной полезности дела, главное – это радость подробного узнавания жизни, прирастание сердцем ко всему, что постепенно формирует у человека понятие: Отечество.»

В. Песков

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

Предисловие

Среди самых любопытных командировок Василия Михайловича Пескова, несомненно, та, о которой вы найдете целую серию репортажей в этом томе: экспедиция «Комсомольской правды» на лыжах к Северному полюсу.

Нет, сам Василий Михайлович туда на лыжах не ходил, это был тяжелейший переход. И совершила его команда под началом Дмитрия Шпаро, теперь уже очень известного полярника.

Прежде чем вы прочтете его заметки об этом, стоит коротко рассказать о самой экспедиции. Она действительно суперуникальная. По сути, это был первый в истории человечества лыжный переход от берегов нашего континента до Северного полюса.

16 марта 1979 года семерка лыжников с рюкзаками за плечами выступила к полюсу с острова Генриетты (это в арктическом архипелаге Де-Лонга). Шли по дрейфующим льдам строго на север. Весь маршрут – 1500 километров по торосам и через трещины, разводья и полыньи во льду отделяли отважных путешественников от заветной цели. Сперва идти было тяжело из-за природы – температура нередко опускалась до минус 40. Потом за экспедицию взялась усталость. Ведь весь груз тащили на себе. Вам будет любопытно: стартовый вес рюкзаков достигал 50 килограммов.

Они не просто шли, но еще и выполняли научную программу. Изучали проблемы выживаемости человеческого организма в экстремальных условиях Арктики, проверяли тонкости психологической совместимости людей, ели экспериментальную высококалорийную сублимированную пищу.

Естественно, опыт у команды был. К переходу на полюс они готовились девять лет, ходили в маршруты по дрейфующим льдам пролива Лонга, прошли от острова Врангеля до дрейфующей станции «Северный полюс-23», искали в Арктике следы пропавших экспедиций русских исследователей Севера Владимира Русанова и Эдуарда Толля.

Василий Песков с еще одним спецкором «Комсомолки», Владимиром Снегиревым, двинулись следом за экспедицией по воздуху. Чтобы встретить ребят на полюсе.

Нет смысла сейчас рассказывать об этом подробно – вы все прочтете в репортажах Пескова.

Но все-таки стоит заметить деталь.

Время было советское, и потому помимо груза, который помогал ребятам выжить на этом беспримерном переходе, ребята несли на себе на полюс «флаг легендарных папанинцев – символ неразрывной связи поколений советских покорителей Арктики, верности молодежи славным традициям наших отцов». И непотопляемый, герметичный металлический красный шар-контейнер с надписью «СССР, высокоширотная полярная экспедиция «Комсомольской правды».

Конечно, такой шар нужен был, подобно тому, как нужны капсулы с записками об экспедициях, которые альпинисты оставляют на высочайших вершинах мира для подтверждения того, что они туда забрались.

Но эта капсула была не просто с запиской. Рассчитывая каждый грамм походного груза, участники перехода все-таки заложили в нее флаг СССР, горсть московской земли от стен Кремля, брошюру В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи» (она, кстати, побывала до этого в космосе на борту орбитального комплекса «Салют-6»), серебряный рельсовый костыль БАМа (!), пучок колосьев с казахстанской целины, мастеров строителей ударных комсомольских отрядов, талисман Олимпиады-80 – фарфорового медвежонка, специальный выпуск газеты «Комсомольская правда» с рассказом об экспедиции, вым-

пелы ЦК ВЛКСМ и, наконец, как и положено – копии официальных протоколов о достижении Северного полюса, а также памятные записки на русском и английском языках.

Что делать! Такое было время. По всей стране комсомольцы закладывали в стены райкомов и горкомов ВЛКСМ капсулы с такими же примерно посланиями будущим поколениям...

Ребята шли 76 дней и 31 мая 1979 года дошли до полюса!

Вот их имена: начальник экспедиции, кандидат физико-математических наук, доцент Московского института стали и сплавов Дмитрий Шпаро. Научный руководитель маршрутной группы, кандидат физико-математических наук, сотрудник Центрального экономико-математического института Юрий Хмелевский. Завхоз экспедиции, кандидат технических наук, сотрудник Всесоюзного НИИ продуктов брожения Владимир Леденев. Радист Анатолий Мельников. Врач Вадим Рахманов. И рабочий московского Управления дорожного хозяйства и благоустройства Василий Шишкарев.

Впрочем, читайте репортажи Пескова, Василий Михайлович рассказал о них очень интересно.

Так что идем в этот маршрут вместе с ребятами и Песковым.

Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1978

В лесах над Вяткой Окно в природу

В этих краях на узких лыжах не ходят. Узкие лыжи – это лыжня: куда один, туда все. Тут ходят на лыжах коротких и в две ладони широких. Таким лыжам торная колея не нужна. Иди куда хочешь. Любое место на этих лыжах доступно.

Февральский снег капустой скрипит под лыжей. Лес, лес – буреломы, завалы. Но вот полянка, наискосок прошитая строчкой лисьего следа. Вот норки в снегу – у края поляны ночевали тетерева. Глубокий лосиный брод в ивняках у болотца. Заячьи петли рядом с лосиным бродом. И вдруг – следы, у которых идущая рядом собака жметя к ноге. Прошли волки...

Вятские земли не густо заселены. Тут осталось много пространства и для животных. Тут человек, как и встарь, снимает в лесу урожай, дарованный дикой природой. И потому едва ли не в каждом из деревенских домов видишь широкие лыжи. К охоте тут приобщаются с детства и расстаются с ружьем у самого края жизни. И охота, кажется, продлевает тут человеку жизнь. Глядишь, совсем старикашка, а сделал за день на лыжах километров под тридцать. И не с пустыми руками движется к дому – добыл зайчишек, косача и тетерку.

Разговор об охоте, начатый в лесу, кончается в доме у старика за чаем. И чувствуешь: нет ничего дороже для человека, чем вспомнить удачи лесных хождений.

Вспоминает охотник, как «офлачивал» (окладывал флажками) волков, как тропил зайцев, подманивал рябчиков, как добывал куницу и выдру, караулил на овсяных полях медведей. В речи, неторопливой и обстоятельной, множество местных вятских словечек и охотничьих тонкостей, с полуслова, впрочем, понимаемых за столом. На языке этом заяц не бежит, а летит, а утки весной над Вяткой не летят, а идут, тетерева из лунок в снегу не взлетают – взрываются, молодого лосенка зовут сеголетком, а волчат того же возраста – прибылыми. И так далее. Что же касается местных вятских словечек, то вот образец.

Когда зашел разговор о лосях, старик примолкнул, послушал охотников помоложе. А потом сказал такое суждение:

– Лось – она хлами́на нотная, она, мотри, паря, тово...

Только чутьем можно понять мудреную простоту слов. В приблизительном переводе с вятского это вот что: «Лось, скажу тебе, зверь непростой, от него, смотри, парень, можно ждать всякого...»

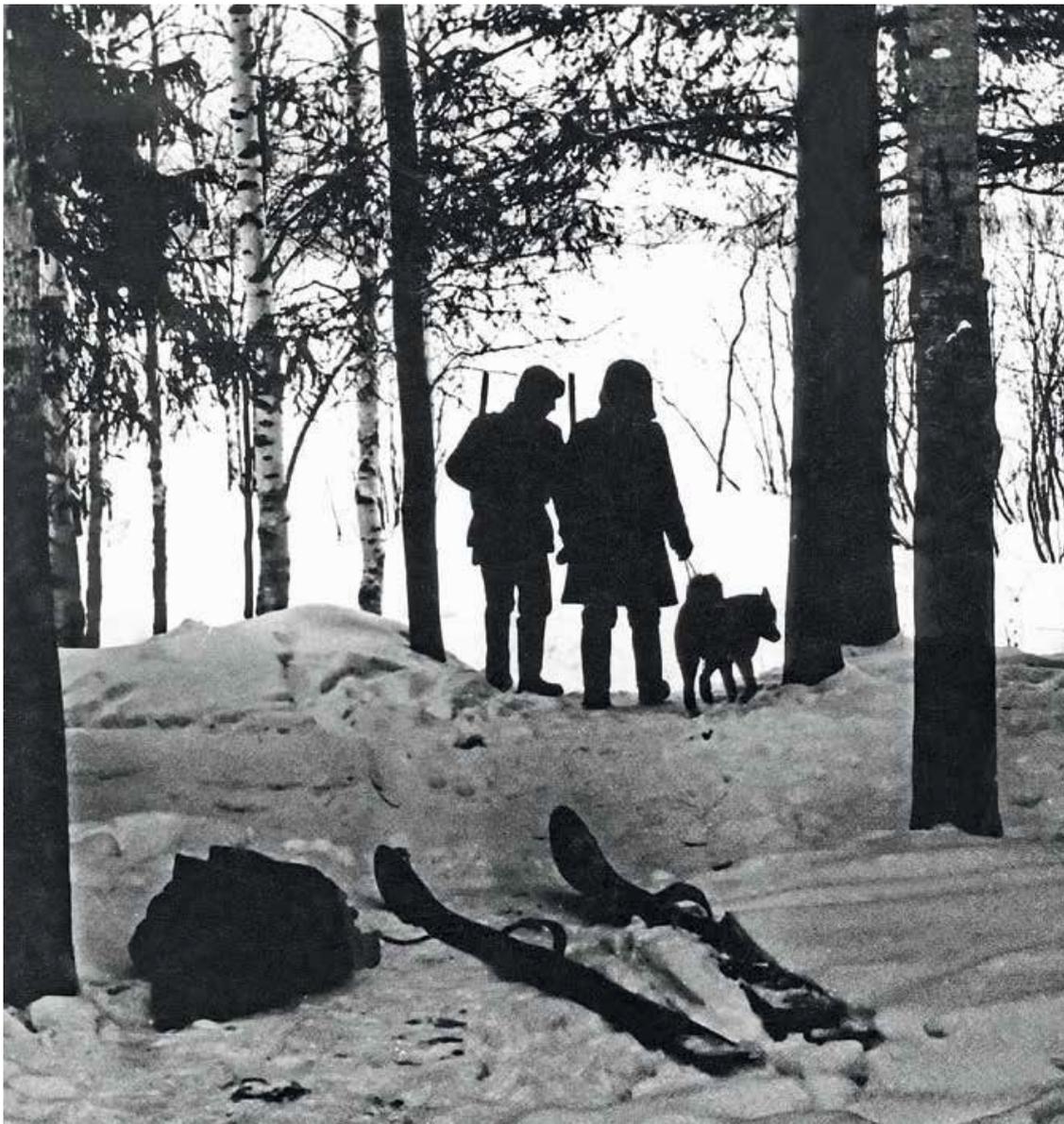
На лося старик не ходит уже давно, а вот зайчишек, уток, тетеревов он еще промышляет.

– Пока ходится, надо ходить, – сказал он, прощаясь.

В холодных просторных сенях старик веником смахнул с полинявшей широкой лыжи снежок.

– Пока ходится, надо ходить, – повторил он уже на пороге.

Уже в сумерках шли мы в лесную избу к ночлегу. Убегала вперед и ворочалась резвая остроухая лайка. А мы не спешили, неторопливо шли, смакуя на перекурах аппетитное вятское словотканье: «Лось – она хламина ногная, она, мотри, паря, тово...»

Фото автора. 16 февраля 1978 г.

Черно-белая магия

Легче всего снимать пейзажи, говорят люди, впервые взявшие фотокамеру. «Из всех фотографических жанров труднейший – пейзаж», – говорит Ансел Адамс, американский фотограф-художник, снимающий уже шестьдесят лет. В этой противоположности – суть примечательного явления: фотография общедоступна, но лишь в руках человека-художника, человека, мыслящего образами, она становится искусством.

Ансел Адамс – фотограф высшего класса. Слава его давно перешагнула границы Соединенных Штатов. Мы знали его работы. А этой зимой москвичи получили возможность увидеть их в подлинниках.

Выставка Адамса (восемьдесят четыре черно-белые фотографии) путешествует по миру уже третий год. В Москву она отправлена из Варшавы, а через пять дней будет послана в Анкару. Можно не сомневаться, что этот путь всюду отмечен успехом, ибо творчество Адамса интернационально, понятно и близко каждому человеку.

Главный объект фотографа-ветерана – природа: доступные взгляду каждого горы, деревья, лес, облака, роса на травах, ручьи и камни, обнаженные корни деревьев, тихие воды. Все это, снятое заурядно, остается обычно в домашнем альбоме фотографов. Но Адамс («снимает не объектив, снимает – сердце») так зорок, так строг и разборчив в изобразительных средствах и так умел в выборе момента съемки, что его фотографические образы поднимаются до высот философских.

Он неизменно пользуется черно-белым изображением («все чудеса мира размещены между почти белым и почти черным тонами»). На автопортрете мы видим его с громоздким треножником и большой камерой. Это отнюдь не чудачество. Только неопытный человек полагает, что дело решается нажатием кнопки на фотокамере. На самом деле обработка пленки и перевод изображения на бумагу – едва ли не половина успеха. Для Адамса таинства, совершенные при свете красного фонаря, венчают все, что добыто при солнце. Больших размеров черно-белые негативы дают художнику много возможностей повлиять на конечные результаты.

Техника его виртуозна. И один из уроков выставки для всех, кто ее посетил, – ощущение безграничных возможностей фотографии. Другой урок: за каждым снимком – величайший труд и терпение, строгая требовательность к себе, без которых даже большой талант остается у подножья горы.

Еще одно ощущение – необычайная актуальность всего, что Адамс показывает. Многие снимки сделаны тридцать и сорок лет назад, но как они созвучны всему, что нас волнует сегодня! Главная причина этому – сам объект, к которому обращены и объектив, и сердце Адамса, – Природа. Мы чувствуем волнение, испытанное художником, от красоты и величия им увиденного. И это волнение передается нам, находит отклик в нашей душе. Искусство это времени не подвластно. С каждым годом нам все дороже будет зелень лесов, молчанье пустынь, плеск чистой воды и сияние неба. И благодарность людям, этот мир для нас открывающим, будет лишь возрастать.

Ансел Адамс. Секвойи.

Не постарели снимки Адамса еще и потому, что он избежал влияния всяческих мод, которым за долгую его жизнь фотография подвергалась. Строгая простота снимков, предельная четкость, вера в магию черно-белых тонов – таковы принципы Адамса. Он не поступился ими ни разу и достиг вершины в искусстве, именуемой классикой.

Все награды и звания, полученные художником, перечислить нет никакой возможности. Он почетный доктор искусствоведения нескольких университетов, автор многочисленных книг и многотомного руководства по фотографии. Но он признается: «Дороже всего для меня – простой человеческий отклик».

В Москву из Калифорнии Ансел Адамс приехать не мог, но на открытии выставки мы слышали его голос с магнитной пленки. «Для меня это большая честь, что мои работы увидят в Москве».

Завтра у Ансела Адамса день рождения. Ему исполняется семьдесят шесть. Это возраст, в котором и солнце, и человеческое тепло особенно дороги. И мы рады послать ему привет из Москвы, привет и Спасибо! от всех, кто видел его жизнеутверждающее искусство.

Фото из архива В. Пескова. 19 февраля 1978 г.

К человеку... Окно в природу

В природе у человека есть спутники. Посмотрите в окно. Корку хлеба на снегу делят шумные воробьи. И лето, и зиму они кормятся возле людей, вся их жизнь приспособлена к этому соседству. Синица возле окна – гостя из леса. Летом ее не увидишь, а зимой – тут как тут, у нашего дома. То же самое и сороки. Летом в деревне их видишь редко, зимой же они скачут по крышам, по изгородям. Зоркие, осторожные, вороватые. Покормились, а на ночь – в лес, в густые теплые ельники. Возле людей держатся голуби и вороны. Рядом с людьми живут ласточки, аисты и скворцы. Спутником человека можно считать и волка. В глухой тайге волка не встретишь, он держится поблизости от селений – тут прокормиться легче.

Любопытно, что волки, сороки, вороны, воробьи, крысы, постоянно соприкасаясь с людьми, как бы «умнеют», иначе говоря, знают, что можно от нас ожидать за свою вороватость, и всегда начеку. «Старого воробья на мякине не проведешь», – говорится в пословице. Сорока – не редкая птица, но вот уже много лет я безуспешно пытаюсь сделать хороший снимок этой красавицы, не подпускающей «на выстрел».

Животные, никогда не видевшие человека, совершенно его не боятся. В Антарктиде к пингвинам подходишь вплотную, и можно птицу даже погладить. Так же ведет себя наша сибирская птица дикуша. Самый крупный из хищников – белый медведь не чувствует страха перед людьми. Зато олени, кабаны, лоси, бурый медведь, зайцы, лисицы, многие птицы, услышав наши шаги, уловив запах, немедленно спасаются бегством. Это результат векового преследования. Страх этот рождается не только опытом, но и наследуется. Однако он быстро слабеет, как только животные чувствуют безопасность и особенно покровительство. Слоны в Африке когда-то совсем не боялись людей. Потом они стали бояться людей панически. Теперь в заповедниках слонов наблюдают с расстояния в тридцать метров, и они спокойно пасутся. Лоси вблизи больших городов быстро привыкли к людям. Увидеть лося там, где он часто встречается людей, куда проще, чем в дикой тайге, где человека животные видят лишь в роли охотника.

Меру опасности все животные чувствуют очень тонко. И очень часто, не теряя страха перед человеком, они именно к нему устремляются в мгновения крайней опасности.

Два года назад, путешествуя по реке Воронеж, мы наблюдали характерную сцену. Сокол чеглок высоко в небе атаковал ласточку. Спасаясь, она комом шмыгнула в кустик, у которого мы стояли, хотя таких кустиков было на берегу много. В. Сорокин сообщает из Горьковской области: «Жаворонок, спасаясь от ястреба, упал ко мне прямо на грудь. Я накрыл птицу ладонью. Оторвать ее от тела, не повредив коготков, было трудно». Охотники рассказывают, как, спасаясь от ястреба, тетерева, случается, падают и замирают прямо у ног человека. И немедленно улетают, как только главная опасность минует. И таких случаев много. В. Кривоногов из Новоалексеевки Алма-Атинской области пишет, как в кабину грузового автомобиля влетел фазан. «Я резко притормозил, испугавшись и не зная, в чем дело. И в этот момент над капотом мелькнула тень ястреба».

Во время войны к нам в сени, помню, заскочил заяц. Услышав, как загремели ведра, я выскочил и увидел возле крыльца лисицу, за которой уже устремились собаки. О похожем случае рассказал мне отец. Он вез сено и сверху, с воза, видит, как полем лисица гонит ослабшего русака. Заяц почему-то хромал, и быть бы ему на зубах у лисицы, но сообразил заяц нырнуть под сани. И это его спасло.

А вот поразительный случай, который я записал неделю назад со слов егеря Юрия Константиновича Баранова (охотничье хозяйство Максатиха Калининской области).

«21 декабря я делал обход. В невысоком кустарнике сбоку большой поляны что-то мелькнуло. Лось! Идет почему-то согнувшись. Явно меня заметил, но, странно, сделал петлю в кустах, он повернул и через поляну направился прямо ко мне. Тут я заметил: лось-то в беде. На шее у зверя висел, волочился по снегу волк. Второй волк вцепился лосю в правую заднюю ногу и тоже тащился по снегу. В азарте охоты волки меня, как видно, не видели, лось же шел напрямиком, наклонив голову, безуспешно пытаясь стряхнуть смертельную ношу. Он явно видел во мне спасителя. Я успел достать патроны с картечью и шагов с пятнадцати выстрелил. Висевший на шее волк кувыркнулся в снегу, но побежал. Я еще выстрелил. С удивлением увидел: оба волка лежат. Висевший на шее первым выстрелом был только ранен, а второго картечь, пролетев у лося между ногами, свалила сразу.

На лыжах я сбежал на кордон за товарищем. Следы рассказали нам все, как было. Лось почти километр тащил за себе волков. Три раза падал, пытаясь, возможно, подмять мучителей под себя, но волки не отпускали. . . Лось пострадал, однако, несильно. Потоптавшись на глазах у меня по поляне, он, оставляя капельки крови, побрел в сосняки. Из любопытства мы следили за этим лосем несколько дней. Выжил!»

Такая история. Любопытно, что все это случилось в охотничьих угодьях, где лось одинаково опасен и волки, и человек. Однако принцип – из двух опасностей предпочтительней наименьшая – сохранил лосю жизнь. Этот принцип лежит в основе поведения всех живот-

ных, о которых шла речь. Волки, для которых человек всегда опасность номер один, оценив обстановку, тоже спешат иногда под спасительный зонтик человеческого могущества. Вот случай, рассказанный В. Вохмятиным.

«Ловили рыбу на озере... Степан тронул меня рукой.

– Смотри...

По зеленой траве скользила черная тень. Быстро снижаясь, над долиной летел беркут. И сразу же мы увидели волка. Он бежал тяжелым галопом, стараясь достичь спасительного ивняка. Выскочил волк прямо к прогалу, где мы стояли. Он явно понимал, что это лучшее место спастись от орла, и стал боком, не спуская с нас взгляда, подходить ближе. Он трусил, взвешивая, с какой стороны опасность была наибольшей. Но видя в руках у нас только удочки, приблизился почти вплотную. Беркут полетел прочь. А волк стоял рядом с нами, похожий на затравленную, смертельно уставшую собаку. Поводив глазами по небу, волк неслышно шмыгнул в ивняки».

Покровительства слабым не ищут. Только к сильному при смертельной опасности льнет все живое. Человек в этом мире – наивысшая сила, не лишенная благородства. И это тонко чувствуют все, достигнутые бедой.

Фото автора. 26 февраля 1978 г.

Что делать с волком? Окно в природу

Что делать с волком? У почтальона деревни Овчинниково Кировской области Михаила Васильевича Крюкова ответ на этот вопрос однозначен: «Ноги слабы, иначе я бы ему показал...»

В конце января, проезжая по маленькой деревеньке, мы увидели резвую пегую лайку, скакавшую возле дома на трех ногах.

– Жива-здоровая, волчий огрызок, – сказал шофер, притормаживая. Мы дождались хозяина, и он рассказал: «Глядел телевизор. Слышу, кто-то стукнулся в дверь и сразу – собачий визг. Выбегаю... Волга моя на пороге в зубах у волка! Я тяну в одну сторону, волк – в другую. Вырвал. Однако теперь вот трехлапа и пуглива до смерти».

Мы сделали снимок хозяина и собаки на том самом пороге, где лайку догнал молодой, как видно, еще неопытный волк. Другим собакам повезло меньше. В беседе выяснилось: за минувшую осень и зиму волки в Кировской области прикончили три десятка породистых гончих собак, и никто не считал, сколько украдено лаек и всяких дворняжек прямо у сельских домов. «И собаки – лишь малая часть той дани, какую волки сейчас собирают», – говорит Михаил Павлович Павлов, ученый, хорошо знающий «волчью проблему». Между прочим, за неделю пребывания в Кировской области я был свидетелем дерзких набегов волков и уже не в деревню. В городской черте убили волчицу – «мастера» по собакам, а в двадцати километрах от Кирова обложили стаю матерых волков-лосятников. «Волков много. Волки стали до крайности дерзкие. Такое я наблюдал лишь после войны, когда численность зверя была рекордной», – говорит Павлов.

В природе у волка врагов нет, численность зверя полностью зависит от интенсивности его истребления людьми. В друзьях человека он не числился никогда, волка всегда «держали на мушке». На западе густонаселенной Европы зверя полностью истребили. На наших пространствах это сделать не удавалось да и вряд ли возможно при поразительной жизнеспособности зверя. Как только волки становились «иголкой в стоге сена», преследование этих остатков оказывалось делом безмерно трудным, давление естественным образом ослабевало. И четырех-пяти лет было достаточно, чтобы волки вновь о себе заявили. Эти «качели», возможно, являются лучшей формой сложившихся отношений с хищником: ему оставлялось место под солнцем и в то же время его держали в хорошей узде.

Однако бывали полосы в жизни, когда по разным причинам численность зверя возрастала стремительно. Главным образом это случалось в годы, когда «было не до волков». На памяти нынешних поколений это – время Гражданской войны и годы войны Отечественной.

Я хорошо помню: встреча с волком в наших воронежских краях была делом нередким. Волки, как пишут зоологи, встречались в двадцати километрах от Москвы. И если перед войной в Московской области волков не было, то в один только послевоенный 1956 год их уничтожено 265. Картину эту надо считать характерной для всех районов страны. В скотоводческих, степной и лесостепной, зонах численность волка была особенно велика (в Тамбовской – 1500, в Саратовской – 5000 волков). Ущерб хозяйству от набега зверей был колоссальный. Стали наблюдаться и случаи нападения на людей. В Кировской области зарегистрирован (документально!) двадцать один случай таких нападений. Любопытно, что покушались волки главным образом на детей и не в голодное зимнее время, а летом, когда подрастающее в логовах потомство требовало еды.

Меры, принятые против волков, хорошо известны. Облавы, капканы, яды, отстрел с самолетов постепенно низвели волка до тех самых «иголок в сене», когда истребление хищников стало дороже приносимого им ущерба. Эта точка «качелей» приходится на 60-е годы.

Однако волк приспосабливался к новым условиям, и формы приспособления были поразительно интересны. Человек изощренным гонением как бы учил волков жить. Неприспособленный погибал, а умный, выносливый выживал и умело избегал всех опасностей. В те годы я завел папку с надписью «Волк» и стал собирать свидетельства «из первых рук» обо всем, что касалось гонимого зверя. Сейчас число этих папок выросло до двенадцати, и в последние два-три года они пополняются беспрерывно. Газетные вырезки, письма читателей «Комсомолки», статьи и записки ученых, статистика. Анализ всей информации позволяет говорить о резкой вспышке численности волка, об изменении характера его поведения вследствие этого и о причинах, все это вызвавших.

Почтальон деревни Овчинниково Михаил Васильевич Крюков.

Ученые В. Осмоловская и С. Приклонский, располагающие наиболее достоверными данными о численности зверя, пишут, что его терпимое поголовье в 60-е годы по Российской Республике не превышало двух с половиной тысяч. Сейчас они называют двенадцать тысяч – численность зверя за последние годы выросла в 4–5 раз. Однако волки не покрывают равномерно всю огромную территорию. Волки – спутники человека, и в отдельных

«волчьих углах» число их выросло в восемь и десять раз. Похожая картина на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Особенно много волков сейчас в Казахстане (по некоторым данным, до 30 тысяч). Простая арифметика заставляет ждать дальнейшего (и скорого!) роста числа волков (прогнозируется послевоенная численность). И, ясное дело, «регулятор» придется включать неизбежно – уже сейчас дань волку никак невозможно считать терпимой. В Пермской области, например, по данным охотоведа Виталия Нечаева, «за 1976 год тысяча волков уничтожила не менее двух тысяч лосей и 633 головы овец и коз... Убыток только животноводству за год исчисляется суммой 98 814 рублей». Сходные данные поступают из многих других областей. По официальному документу из Якутской АССР, ущерб оленеводству и коневодству за год составляет без малого два миллиона рублей. Это и есть то самое, что породило давнюю поговорку: «Не за то бьют, что сер, а за то, что овцу съел». И хотя понимаешь, на «серого» могут кое-что списывать волки двуногие, все же следует помнить: сеном волки никогда не питались.

Что касается волчьих повадок, то они остаются классическими. И первая из них – убивать столько, сколько можно убить. (В совхозе «Мокшинский» Кировской области в прошлом году после набега волков на ферме недосчитались полторы сотни овец. Одних хищники задавили в загоне, других, разбежавшихся по лесу, рвали поодиночке.) Во время лесной охоты волков наблюдаются все приемы стайного мастерства – загон, засада. И опять же, если есть возможность кого-то настичь, настигают, хотя предыдущая жертва не успела еще остыть. Все это в характере волка. Стоит, пожалуй, отметить особенности поведения, порожденные возрастающей численностью зверей. Волки, как все отмечают, стали в последние годы необычайно дерзкими, даже наглыми. (Забежать в деревню и тащить из рук человека собаку – характерный пример.)

Изменилось отношение волка к собакам. В годы небольшой численности собаки признавались волками за родственников – смешанный брак был делом нередким, и в лесах одно время появились полуволки-полусобаки. Теперь к собакам исконное отношение: за собаками волки охотятся, нередко предпочитая их любой другой жертве.

Интересующий многих вопрос: есть ли случаи нападения на людей? Есть. Как правило, это связано с бешенством (в белорусской деревне Загорье матерый волк ворвался в дом крестьянки Татьяны Яковлевой и рвал подушки, половики, валенки – хозяйка спаслась, захлопнув двери на кухню), но есть сигналы о нападении на людей, преграждавших волку дорогу к добыче. Особо надо отметить единичные факты, когда волки в азарте стайной охоты избирали жертвою человека. Это свидетельство возросшей самоуверенности зверей. Она всегда появляется, если волка мало преследуют.

* * *

В чем причина неожиданно резкого повышения числа волков? В первую очередь искать ее надо в природных взаимосвязях. За последние годы наблюдается вспышка (зоологи говорят «взрыв») численности копытных животных: лосей, кабанов, оленей, косуль. Лоси размножились благодаря охранным мерам, но главным образом из-за роста кормовой базы (на месте вырубленных лесов поднялась молодая, наиболее продуктивная для лосей поросль). Оленей, кабанов и косуль не просто оберегали, но расселяли по многим лесным районам, нередко искусственно поддерживая их существование. В результате образовалось обилие пищи для волка. А в механизме природы пища – решающий фактор. (В логовах волков в последние годы наблюдалось рекордное число щенков – 10–12. И при обилии корма шансы на их выживание сильно повысились.)

Хорошим подспорьем волку служила и бесхозяйственность. Не убранный вовремя, под снегом оставленный урожай кормил кабанов. Кабаны же (главным образом молодые) шли на

стол волку. Помогала волкам и беспечность животноводов. Падших животных не трудились закапывать или сжигать, обеспечивая волкам даровую подкормку.

Это одна сторона дела. Вторая, не менее важная, состоит в том, что волка последние годы мало кто беспокоил. «Загнав хищника в угол в 60-х годах, мы как бы разоружились», – пишет один охотник. Это действительно так. Трудная, требующая выносливости и смекалки, всегда почитавшаяся доблестью охота на волка в последние годы пришла в упадок. Составились и позабыты егери-волчатники, «профессора», без которых волчья облавы – лишь трата времени. Распались бригады специалистов – охотников за волками. Дилетантов же волки чаще всего оставляют в дураках, надолго отбивая охоту соревноваться с умным и очень выносливым зверем. Вся страсть охоты в последние годы сосредоточилась на лосе и кабане. Сравнительно легко добытое мясо почитается ныне важнее премии за убитого волка. «Стыдно признаться, – пишет все тот же старый охотник, – но в охотах на лося с загоном случайного волка, бывает, даже и не стреляют – не хотят испугнуть лося».

Откровенно надо сказать и об общественной атмосфере, сложившейся в эти годы вокруг «волчьей проблемы». Истоки ее лежат в естественном интересе к животному, всегда игравшему в дикой природе роль «щуки, не дающей дремать карасю», к животному, которое в это же время было спутником человека и умело его обкрадывало, к животному умному, дерзкому, сильному. Наивысшая точка «качелей» (охотник – волк) совпала с волной природоохранительных мер, и волк неожиданно сделался символом наших забот. Как всякий гонимый, волк у многих рождает сочувствие. Главный очаг «покровительства волку» оказался в Западной Европе и главным образом в США. Там возникла вполне понятная ностальгия по зверю (в Америке к 1972 году оставалось три сотни волков). Опасность утратить волка как вид животного мира заставила зоологов серьезно заняться изучением зверя и принять меры к его сохранению. Несколько превосходных исследований, проведенных в США и Канаде, открыли много закономерностей в жизни волков, их роли в природе. Но, как это часто бывает, большая волна интереса несет и пену сенсаций. При нынешнем движении информации мы получили и то и другое. И некоторые выводы и суждения, думаю, некритически перенесли на наши условия.

У городской интеллигенции наибольший сердечный отклик вызвала повесть-исследование канадца Моуэта «Не кричи: «Волки!»». Книга эта, превосходная в литературном отношении, небезупречна в биологическом. Автор идеализирует волка. К тому же безоговорочная роль санитара ему отведена в условиях дикой природы севера Канады, где не существует хозяйственного оленеводства. Но все эти тонкости прошли мимо широкой публики. Остался в памяти лишь благородный и ласковый «зверь-санитар» и бездушные канадские чиновники, имеющие на него зуб. Городскому читателю, у которого волки ягнят и телок не режут и который искренне озабочен обеднением природы, очень хотелось видеть волка таким, как он описан в полюбившейся книжке. Так возникла известная идеализация животного с предельно доступным для понимания всех ярлыком: «зверь-санитар». Способствовал этому и наш брат журналист. По течению плыли и многие из ученых. Плыли потому, что не было якоря научно обоснованного отношения к волку в наших условиях. Затянувшийся спор – считать этого зверя «санитаром» или «пиратом»? – не был квалифицированным. И точку в нем, как видим теперь, ставят жизненные реальности.

Что же стоит за понятием «санитар»? Верно ли оно по сути своей? Верно, но со множеством оговорок. Как и всякий другой хищник, волк, конечно, поддерживает в нужной форме обитателей дикой природы, выбирая в первую очередь ослабевших. Но не следует понимать эту роль примитивно. Волк вовсе не размышляет таким вот образом: «Тот заплошал, возьму-ка его во имя здоровья всех остальных». Волки берут все, что способны догнать и свалить. А способности у них большие. Что же касается ослабевших, то среди них оказываются и

беременные самки, и молодняк. И тут уже возникают претензии к «санитарам», особенно если число их немалое.

Еще обстоятельство. Роль селекции хищников безупречна и естественна в дикой природе, куда человек не вмешался никаким образом. Там, по закону обратной связи, и волки сыты, и лоси целы. Модель такой территории существует в Америке на острове Айл-Ройал (800 лосей и 30 волков; численность тех и других на изолированной территории не меняется). В некоторых наших заповедниках (далеко не во всех!) волк может быть терпимым и даже желательным селекционером. Но опять же в каком количестве? В Окском заповеднике (Мещера), пока жила только пара волков, все было как нельзя хорошо. Но у пары появилось потомство, а у потомства – еще потомство. И вот уже директор заповедника, грамотный, широко мыслящий зоолог Святослав Приклонский ищет способ срочного сокращения «санитаров».

Волчьи повадки остаются классическими – убить столько, сколько можно.

И возьмем теперь обширные территории, затронутые той или иной формой хозяйственной деятельности. (Выпуск животных в лесах и подкормка их в трудную пору – это тоже хозяйственная деятельность.) Тут санитарная служба волка справедливо ставится под сомнение. Животные, существующие при поддержке человека, с трудом переживающие невзгоды зимы, перед волком все подряд беззащитны. И всякое обогащение фауны в этом случае – не более чем поставка живности волку. Вряд ли разумно отдавать зверю и нынешний излишек лосей. Это было бы равносильно кормлению его с нашего не так уж богатого мясом стола.

И наконец, главная арена постоянной вражды волка и человека – животноводство. Тут ни о какой санитарной роли хищника говорить не приходится. Тут он просто разбойник, мировая с которым невозможна и не нужна.

Итоги. Численность волка необходимо и неизбежно надо сокращать. И к этому следует относиться спокойно. Любая чрезмерность нехороша. Нехороши полчища голубей, расплодившихся в городах, вредит лесу избыток лосей. За волками же нужен особый контроль. Большое число волков – это пожар, тушить который предписано лишь человеку.

* * *

Существенным является вопрос: какими средствами регулировать численность зверя? Некоторые считают: на пожаре все средства надо считать хорошими. Думается, однако, тут надо как следует оглядеться. Неразумным, разрушительным с точки зрения охраны природы и просто опасным явилось бы широкое обращение к ядам. Жертвой в этом случае неизбежно стали бы кабаны и лисицы, наравне с волками поедающие падаль, под удар поставлены будут и без того редкие в средних широтах вороны, а в Казахстане могут исчезнуть остатки крупных птиц-хищников, помеченных в Красной книге. К тому же следует помнить: яды – средство ограничено эффективно. Волки довольно скоро начинают обходить отравленный корм, и яд превращается лишь в административную видимость борьбы со зверем.

В степных, безлесных районах придется, видимо, вспомнить об авиации. Этот сугубо истребительный метод не очень дешев, стрельба с самолета многим из нас неприятна, но иного средства для животноводческого Казахстана, например, не существует.

Что же касается лесостепных и лесных районов России, Белоруссии, Украины, Прибалтики, то единственно верным средством тут надо считать традиционную, ныне сильно запущенную охоту на волка. Эту охоту надо всячески возрождать. Она хороша во всех отношениях: дает человеку яркие сильные переживания, дает радость познания тайн и законов природы, воспитывает мужество и выносливость, она эффективна, и вместе с тем это далеко не простое состязание с умным и сильным зверем – у волка всегда остаются шансы спастись. Человек при этом способе регулирования численности сам невольно становится селекционером волков – выживают самые опытные, самые сообразительные звери, не дающие при меняющихся условиях угаснуть волчьему роду.

Охота на волка сложна и трудна. Для нее «субботы и воскресенья», достаточных, скажем, для охоты на лося и кабана, мало. Неделью, а то и две меряют люди снег, распутивая волчьи ходы и выходы, переходы и перебежки (за ночь волки одолевают 40–60 километров), и очень часто весь труд напрасен. (Павлов: «Из десяти выездов на волков примерно лишь два бывают успешными»). А вот данные со множеством любопытных цифровых выкладок. В прошлом году 10 егерей Вяземского охотничьего хозяйства Смоленской области за месяц ежедневной охоты в марте добыли двух волков. В том же хозяйстве и в это же время два волка убили: лося, двух оленей-самцов, семь оленух и трех молодых кабанят.)

Таков противник. Воевать с ним надо умеючи. И неременной фигурой на всех облавах всегда был «Командующий» – волчатник, до тонкости знающий поведение зверя, страстный охотник и отменный знаток природы. Охота готовилась кропотливо: с выслеживанием и приваживанием волков, с соблюдением дисциплины и строгих правил. Теперь этой фигуры в охотничьих хозяйствах нет. И именно с нее надо возрождать охоту на волка.

Необычный труд волчатника-егеря одною лишь страстью к охоте питаться не может. Егерь-волчатник всегда хорошо поощрялся. Поощрялись и все охотники. Государство платило премию за каждого из добытых волков, крестьяне же давали призы натурой – поросенка или овцу, выделяли волчатникам транспорт и всегда их встречали как желанных людей. Эти здоровые, нормальные отношения к охотнику за волками следует возродить.

Премия за добытых волков государство сейчас продолжает платить, но общее мнение таково, что нынешние ее размеры не срабатывают нужным образом. Разумным будет премию увеличить. Плату за шкуру волка тоже надо ввести в справедливые рамки. Сегодня охотнику платят лишь 3 рубля. Это борьбе с волками вряд ли способствует. Разумнее платить не 3, а 30 рублей, поощряя тем самым охоту и не давая расти подпольному рынку пушнины. Возможно, стоит, как было после войны, снабжать охотников за сданные шкуры волков товарами, каких не всегда найдешь в магазине. Волчатникам в первую очередь следует выделять лицензии для охоты на лося, предоставлять хотя бы недельные отпуска для охоты. Есть и еще детали этой проблемы, обстоятельный разговор о которых уместен в изданиях специальных. Тут же следует подчеркнуть: организация охоты на волка – дело государственной важности. И медлить с нею не стоит, ибо время пока что работает на волков.

Важно не упустить еще одно обстоятельство. Довольно распространенная точка зрения: «волков не надо изучать, волков надо истреблять» – в корне неверная. Работа по регулированию численности волка должна идти непременно с участием науки. А зоологам, нередко снаряжающим экспедиции в дальние страны, следует помнить: объект природы, изучать который насущно необходимо, находится рядом. И надо его изучать.

И в окончании этой беседы – сердечная благодарность всем, кто нам написал, чьи письма лежат в основе этого размышления. На эту помощь читателей мы надеемся и в будущем – папка для писем с надписью «Волк» остается открытой.

Фото автора. 10 марта 1978 г.

Начало и продолжение

У Толстого Мыса

Семнадцать лет назад, зимой 1961 года, я впервые увидел эти места. В памяти все сохранилось черно-белым контрастным снимком: темная кисея леса, черный бревенчатый лик деревеньки с названием Невон, черные лодки на берегу, лошадь у самолета. Все остальное сверкало: снежная лента реки, белый столбами дым над деревней, бахрома инея над бровями.

– Нос белый! Три варежкой!

Я тер его так, что кожа сошла. Мороз в этот день подобрался к отметке 52. На пути к Толстому Мысу я соскочил с саней и с трудом на бегу выгнал мороз из унтов и длиннополого, с чужого плеча, полушубка.

– Вот тут и будет стоять... – сказал провожавший меня гидролог, укрывая обрывком мешка индевешую лошадь.

Я закрыл глаза, пытаюсь представить плотину над спящей белой рекой. И не мог.

Между тем первые символы стройки тогда уже обозначились. Неделей ранее в Невон из Забайкалья прилетели трое друзей-комсомольцев (в блокноте сохранились их имена: Василий Нарожный, Александр Зуев, Михаил Стовбер).

– В газете прочли: «Усть-Илимская ГЭС», и сразу сюда...

Судьба трех парней неизвестна. Возможно, они улетели из Невона, не дождавшись начала работ. Но для меня эти трое ребят, стоящих над белой рекой, и есть начало всего, чем потеплели сегодня ангарские берега.

Первые строители.

Семнадцать лет – немалое время. Однако на часах деревеньки, проспавшей у Толстого Мыса без малого три столетия, это было всего лишь мгновение. Деревенька за это время не

изменилась и была для памяти некоей точкой опоры: «Тут проходила дорога, в эту сторону – Мыс, там дальше «Лосята» – два острова Ангары...»

– Вспоминайте, вспоминайте, – улыбался молодой летчик. – И запоминайте: тут все меняется на глазах.

Все изменилось неузнаваемо! Под вертолетом проплывал молодой город: дороги, массивы многоэтажных строений, «Жигули» у домов, как в Москве, – под брезентом, ребятишки у школы по лужам гоняют мяч, молодые мамы с колясками, орудовец «стружку снимает» с водителя самосвала...

– Семьдесят тысяч жителей! – кричит мне в ухо механик, наблюдающий, чтобы в азарте съемок фотограф не выпал в открытую дверь вертолета.

Город – справа и слева по Ангаре. Тайга уступила ему пространство. Но сверху видно: это всего лишь большой обитаемый остров в океане лесов – 250 километров до Братска, 850 – до Иркутска.

– Плотина... – показал глазами механик на темный брус, лежавший поперек Ангары.

Я помню волшебный момент, знакомый любому фотографу: на белом листе бумаги, опущенном в жидкость, вдруг возникает изображение – лица, деревья, дома... В моей памяти Ангары была белым листом, и вот теперь из сизой весенней дымки фотографическим чудом выплывала мускулистая плоть строения, обуздавшего Ангару.

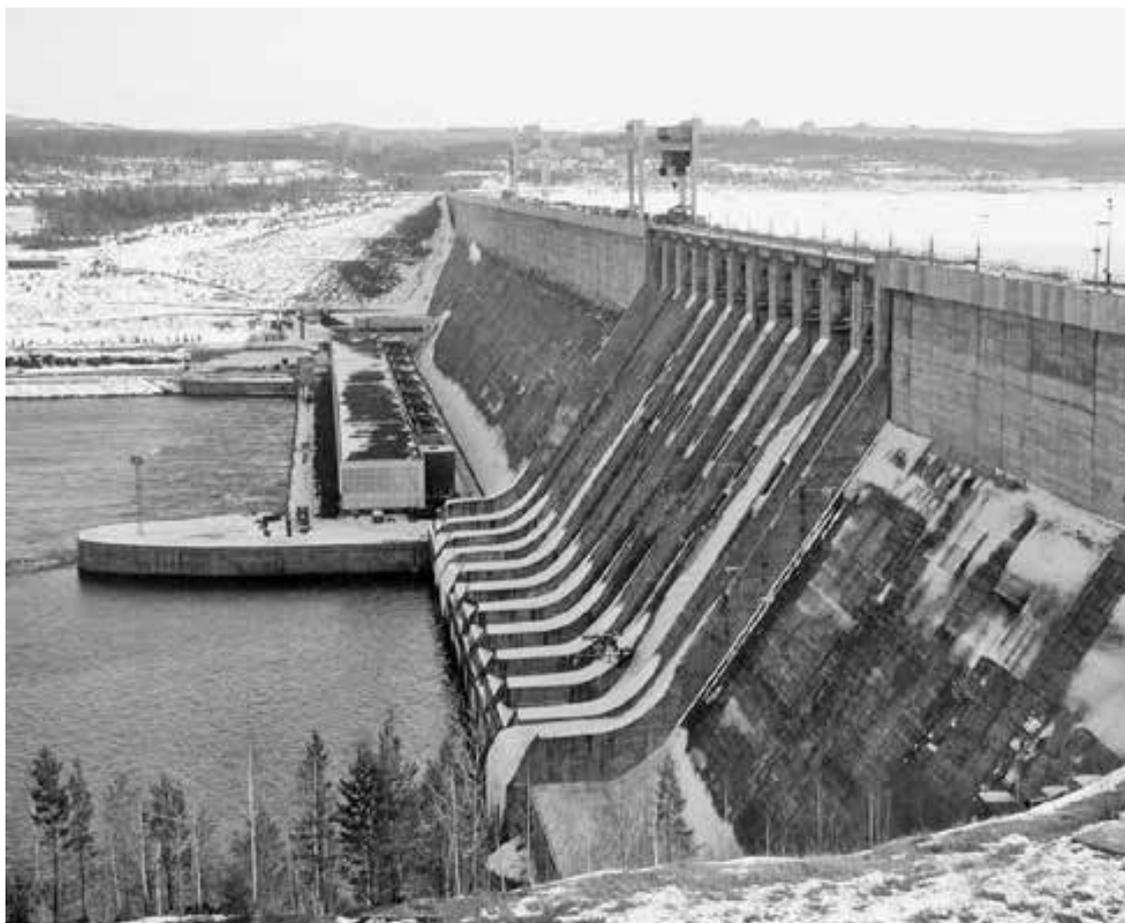
Мы облетели плотину несколько раз. Снимали ее с большой высоты и с малой, видели и при солнце, и в белом тумане косо летящего снега. Глядя сейчас на снимок, можно представить, сколько всего вобрала в себя эта постройка, третья по счету на Ангаре. На каком-то масштабном рисунке я видел плотину и рядом – ленинградский Исаакиевский собор. Известный храм – строение немалое, но у плотины он выглядел, как шкатулка в соседстве с тяжелым резным сундуком.

Плотина – сооружение особое. Любое другое строительство – езда на спокойной лошади: выбирай верно путь, будь терпелив, настойчив и цели достигнешь. Строитель плотины всегда подобен всаднику, вскочившему на коня необъезженного: в любой момент может сбросить. У Ангары нрав особо крутой, надеть хомут на нее очень непросто, и потому опыт строителей здешних плотин во всем мире внимательно изучают.

Качество... Симпатичный пятигранный знак, означающий: «изделие без дефектов», тут вызывал бы улыбку. Качество у этого рода построек – понятие само собой разумеющееся, ибо инспектор суров и пощады не знает – сама Ангары. Верблюду в игольное ушко пролезть невозможно, но река, если такое ушко находит, сделает свое дело. История знает немало плотин, поверженных силой воды. Представляете меру ответственности тех, кто рассчитывал эту постройку на листах ватмана, и тех, кто клал в нее ковш за ковшом бетон на морозе, при котором «птицы на ветках мерзли, а металл временами становился, как стекло, хрупким»?

Все тут было как на войне, как при штурме больших крепостей. И союзников человеку этот край не припас. Летом – мошка, зимой – мороз, необжитые расстояния, глухомань – все было против людей. И все же вот она, плотина. Стоит, подпирает спиною стену воды, прочная (с расчетом выдержать десятибалльное землетрясение), работающая, красивая.

Старший брат у этой постройки – Братск. Весь опыт, накопленный выше по Ангаре, сюда направляли без промедления. Ангару у Толстого Мыса одолели «с ходу, с разгону и малой кровью». А все, что накоплено здесь, – механизмы, сила и опыт пошли теперь дальше. Хорошие вести идут уже с плацдарма у Кодинской заимки. Там, ниже по Ангаре, готовится новое наступление, по силе равное Братскому и этому Усть-Илимскому.

Плотина Усть-Илимской ГЭС.

Однако и тут, у Толстого Мыса, горячие дни не окончились. Мне даже сказали: «Наоборот, только все разворачивается».

Плотина, строительству которой подчинена была вся жизнь Усть-Илимска, сама теперь эту жизнь направляет. Пятнадцать турбин, вращаемых Ангарой, дают половодье энергии. И тут (на базе: лес – электричество) возводятся предприятия, равных которым, кажется, не было в нашей стране. Коротко стройка означает буквами ЛПК (Лесопромышленный комплекс. Главный конечный продукт – целлюлоза).

О ней уже многое известно. Я тоже о ней слышал. Но только поездив на «газике» по огромной строительной площади и увидев ее с вертолета, представляешь реально размеры встающего предприятия. Непосвященному человеку невозможно сейчас разобраться в кажущемся хаосе труб, корпусов, путепроводов, складов, дорог, траншей, огромных емкостей и гигантских металлических ферм. Специалистам тоже многое тут в новинку. «Плотина теперь мне кажется делом простым и понятным – одна единая строчка, а тут огромный кроссворд», – сказал молодой инженер, с которым мы облетали площадку.

Однако все идет тут по плану. У стройки уже появляются зримые контуры. В день полтора миллиона рублей – таков объем освоения средств. Кто знаком с экономикой, сразу поймет и накал, и масштабы идущих рядом с плотиной работ... Одновременно на берегу, у плотины, с таким же размахом строится город, в котором поселятся те, кто будет варить из таежной сосны целлюлозу.

Так обживается Ангара. Жизнь прирастает в этом краю плотинами, корпусами заводов, дорогами и домами. Но главное, чем согреваются здешние земли, – тепло очага. Свет в окнах

и гомон детей – вот что радует больше всего в местах, где недавно следы оставляли лишь птицы и звери.

Край этот слабых не любит. Но сильному он покоряется.

Старожилы

Большому сражению предшествует тщательная разведка. Так же было и тут. В 1961 году в Невоне я встретил гидрологов, живших «в глубоком тылу Ангары» уже более пяти лет. Среди них молодые муж и жена Добрусенки, которых, помню, снимал у реки, у которых одалживал полушубок для поездки на лошади к Толстому Мысу, пил у них чай и ел осетра. Кусок осетра для ухи при мне отпилили ножовкой от громадной мороженой туши. Были еще помидоры – и отнюдь не болгарского производства, а выращенные здесь, в огороде у Ангары.

А что если вдруг гидрологи не уехали и живут по-прежнему тут? Без всякой надежды взялся я наводить справки и – чудо – на самый первый вопрос услышал:

– Добрусенки?.. Вот вам их телефон.

Звоню.

– Не помнят ли добрые люди фотографа, который семнадцать лет назад...

Они помнили. «Приходите скорей, будем вместе смотреть «Тихий Дон».

И вот мы опять за столом. Опять – рыба (на этот раз океанская), чай, пироги и – чего не было в Невоне, о чем даже и не мечтали тогда – телевизор.

От разговора о жизни Григория и Аксиньи на далеком отсюда Дону мы легко перешли к Ангаре, ко всему, что и тут прошумело и утекло. Вспоминаем до полночи. На другой день – продолжение «Тихого Дона» и опять разговор. Давние мои друзья вспоминают не для меня даже – самим интересно прокрутить ленту жизни.

– Все, как в кино, промелькнуло, а ведь двадцать три года пьем воду из Ангары.

– Вот тут, где наш дом, был глухариный ток, где сейчас стадион – было овсяное поле, осенью гуси садились...

– Осетры хорошо ловились как раз против мыса. Ивановна у меня – рыболов...

Моих друзей зовут Лидия Ивановна и Александр Васильевич. Друг друга они называют Ивановна и Василич.

* * *

Оба родились в теплом краю, в Майкопе. Жили на одной улице. В один год окончили школу. Вместе начали работать. А поженившись, решили испытать семейную лодку тут, в необжитых местах. (Василич: «Никто не неволил. Сами решили: начнем все с нуля...»)

В Братске в год их приезда горели костры и жизнь начиналась с палаток. Там проходила линия фронта на Ангаре. Их же послали в тылы, дальше за линию – готовить новое наступление. И они согласились. (Ивановна: «Молоды были – все нипочем».)

Добрусенки – Лидия Ивановна и Александр Васильевич.

В Невон с тяжелым сундуком снаряжения трехместный По-2 взять их не мог. Поплыли на барже и на лодке дальним кружным путем по Илим и Ангаре. Плыли долго, полагаясь лишь на течение и рулевое весло. Баржа везла в какой-то колхоз новый комбайн «Сталинец». (Ивановна: «Возле комбайна мы, как цыгане, и сидели со своим сундуком».)

После кавказских бурливых речек Илим показался тихим и ласковым. По берегам проплывали редкие деревеньки. Дома были черные, без единого деревца. Лишь яркие белые ставни на окнах заставляли подумать: о красоте человек и тут не забыл. (Василич: «В Сибири с лесом всегда боролась. Лес был повсюду. И, конечно, никому в голову не приходило сажать деревья возле домов».)

Баржа с комбайном достигла цели. Пассажирам-гидрологам надо было искать новый попутный транспорт. И он нашелся. Их взяли в большую смоленую лодку, снаряженную за припасами на Ангаре. В лодку сели: старик рулевой, шесть гребцов (по трое на весло), под уздцы спустили в нее еще и трех лошадей.

Это был старый испытанный способ доставлять груз водою. По течению лодка плыла своим ходом, а на обратном пути выводили на берег лошадей, и они не спеша, на веревках тянули посуду. (Василич: «Называлось это – идти бечевой. Тропа вдоль берега – бечевик».)

С «мотором» в три лошадиные силы много не увезешь. Возили лишь самое необходимое: дробь, порох, соль, керосин, спички и сахар, ткани, железо для кузниц и почву. Все остальное в деревнях по традиции добывалось на месте. Люди, тут жившие, были одновременно хлебопашцами, рыболовами и охотниками.

Несколько дней смоленая лодка плыла по Илим и Ангаре. Для ночлега искали пологий «привальный» берег. Выводили из лодки пастись лошадей, зажигали костер, ловили на ужин рыбу. (Ивановна: «На блесну из металлической ложки таймень попадался на третьем-четвертом забросе».)

У порогов в лодке оставались только старик рулевой и гребцы. (Ивановна: «Я глаза закрывала – сейчас будут щепки. И такое, как нам говорили, случилось. Но наш ковчег каким-то чудом проскакивал у камней».)

Двух молодых южан первобытность и глушь испугали. (Василич: «На одном из привалов я пошел поглядеть: почему косцы на лугу были все в черном – сапоги, на голове какой-то мешок, на руках – рукавицы. Пока дошел до косцов, без объяснения понял: мошка застав-

ляла тут одеваться. В тот вечер я, помнишь, сказал: заработаем на обратный билет – и к себе на Кавказ». Ивановна: «Не думали, что останемся надолго. Не думали, что полюбим неторопливую жизнь, и эту суровость, и здешних людей, и все, все. Не думали, что родим тут сына, дождемся внука...»)

Деревня Невон, лежавшая за большими порогами, была местом в здешних краях особо глухим. (Василич: «Не знали, что такое кирпич. На всю деревню – один батарейный приемник. Колеса двуколки по недостатку железа были без ободов».)

Кузнец Семен Михайлович Сизых, встречавший лодку, узнав, зачем появились новые люди, расхохотался:

– Кум, послухай, кум, Ангару собираются запрудить. Ха-ха-ха!..

Прибывших кузнец поселил в своем доме, помогал им работать, но продолжал сомневаться. «Запрудить Ангару?...» – с улыбкой качал головой. Смеяться он перестал, когда батарейный приемник разнес известие: у Иркутска Ангару перекрыли.

* * *

Ангара была для людей тут единственной дорогой и главной улицей, была и кормилицей, и красою. Вся жизнь тут прочно к реке привязана. Летом из деревни в деревню ходили на лодках, зимой по льду делали санный путь – срубали торосы и приминали снег.

Из Ангары для питья брали воду. И почти так же просто, как воду, брали из реки рыбу: осетров, тайменей, сомов, хариусов, стерлядей. Рыбалка была столь простым делом, что занимались ею главным образом женщины. (Ивановна: «В подполье у кузнеца рядом с картошкой зимою стояла бочка с водой. В ней мы держали пескарей для наживки. Сколько, бывало, возьмешь в берестяной туюс рыбешек, столько несешь с реки и тайменей».)

Под спудом лежало еще одно богатство реки – огромная сила ее течения. У разведчиков этой силы задача была простая: мерить скорость воды, уровень ее в берегах, температуру. Мерить надо было методично, два раза в день и несколько лет подряд. Летом на лодке, зимой в санях кочевали гидрологи по реке. Колонки цифр, уходивших в Москву из Невона, приближали время больших перемен, а деревня жила прежним неторопливым старинным укладом. Двое людей из Майкопа приняли эту жизнь и вспоминают о ней сейчас с благодарностью. («Теленок в избе. Керосиновая лампа. Бревна в стенах трещат от мороза. Газеты – раз в месяц... Тогда временами казалось: зачем все это? Теперь, оглянувшись, видишь: без тех девяти лет в избе ангарского кузнеца вкус жизни, возможно бы, и не узнали».)

Контрасты делают жизнь человека богатой и яркой. Главная здешняя перемена – скорость течения всего. Веками жизнь шла тут на веслах и вдруг сразу, с ходу понеслась на моторе. («Как только стало известно: плотина будет у Толстого Мыса, – кажется, даже сама Ангара ускорила ход».) И все было тут в первый раз. Первый раз прилетел вертолет, появилась первая лодка с мотором, первый раз добрался тайгой сюда грузовик. Далее так и пошло: первый дом, первое перекрытие Ангары, первый бетон в плотину, первый ток дала станция. И вот уже город стоит на том месте, где молодой Александр Добрусенко стрелял глухарей, а жена его собирала в лукошко чернику. И ко всему, что было тут, что выросло, возмужало за двадцать лет, причастны двое этих кавказцев. Все, что тут радовало, будоражило и огорчало людей, было частью их жизни. И это является главным богатством семьи Добрусенко. Жизнь их, так смело и хорошо начатая, хорошо и продолжается. В отпуск они ежегодно ездят в Майкоп. Но судьбою их стали не горы Кавказские, а сибирская Ангара. («Все лучшее для нас связано с этой рекой».)

Добрусенки просили «не искать в их жизни ничего героического». Я и не стал искать. Рассказал лишь о том, что сами они с удовольствием вспоминали.

Кодинская заимка

Сибирское слово «заимка» обозначает место, занятое под пашню либо под сенокос. Стоят на заимке обычно два-три строения. Приезжают сюда из деревни на время, главным образом летом. А поскольку дорогу в малообжитых местах заменяет река, заимка – это почти всегда пойменный лоскуток занятой под хозяйство земли.

Кодинская заимка оказалась заимкой под громадное дело. Тут будет построена четвертая ангарская гидростанция. Название этого места будет, скорее всего, позабыто. Станцию собирались строить у Богучана, и в проектных конторах уже привыкли к названию «Богучанская ГЭС». Но тут, на месте, слово «заимка» еще в ходу.

- Куда вертолет? – спросил я у летчиков.
- На заимку.
- Возьмете?
- Садись.

* * *

От Усть-Илимска по прямой линии над тайгой до заимки двести с небольшим километров. На этой прямой я увидел три деревеньки и несколько ниток лесовозных дорог. Это были всего лишь маленькие человеческие причалы в океане лесов.

Леса тут хвойные. На высоких сухих местах – сплошь сосняки. А каждое понижение – река, ручей, болотце, распадок между холмами – обозначено темной опушкой елок. Если более часа лететь над такими лесами, покажется: вся земля из тайги только и состоит.

Чуть левее этого места Ангару пересекает плотина.

Но вот следы быстро идущих сюда перемен. Лес сострижен. Горят костры. Козьяками ползают тракторы. У Ангары штабелями сложена ждущая паводка древесина. Лес тут надо бы брать сейчас полной горстью, пока пространство это не стало очередным морем. И это время не за горами. Место плотины уже обозначено. Полным ходом идет подготовка строи-

тельства. В вертолете к заимке направляются прилетевшие из Москвы экономисты и инженеры – на месте оценить обстановку перед началом генерального наступления.

Садимся у Ангары. Часа четыре комиссия будет копаться в бумагах и осматривать место створа плотины. За это время можно как следует тут оглядеться.

* * *

В Усть-Илимске печным дымом не пахнет. Варит, парит, обогревает и освещает там электричество. Тут же все пока по-таежному. У деревенских домов – баррикады сосновых дров, досок, опилок, щепок. Поселок от этого кажется желтым, янтарным. Пахнет прогретой солнцем смолой, дымом из труб, и где-то явно пекут блины.

Звуки тоже хорошие: стучат топоры, визжит дисковая пила, орут, почуяв весну, ребятишки и воробьи. Много на улицах молчаливых, изнывающих от безделья, добродушных собак. И – не частая радость – ни единого пьяного. Таково первое впечатление от поселка на Ангаре.

Захожу в первый дом познакомиться. Специально выбираю строенье немолодое, потемневшее и осевшее, с городьбою двора из тонких жердин, с коровой посреди городьбы. Хозяин приветлив, но без посредника-толмача объясниться мы, кажется, не сумеем: у старика ни единого зуба и вместо слов – только шипящие звуки.

Однако разговор получился. И за столом, где на выбор стояли бутылка корейской водки и кувшин молока, я узнал: хозяин дома Иван Иванович Куликов, его жена Валентина Ильинична и трое живущих рядом соседей представляют «уходящее прошлое» заимки.

Прошлое таково. В 1930 году волна бурлившей в сельских местах перестройки прибила сюда крестьян из-под Канска. Эти люди и положили начало поселку: раскорчевали лес, распахали землю под рожь и овес, завели огороды, построили мельницу, баню, пекарню. Ивану Ивановичу в ту пору шел девятнадцатый год, и это обжитое вместе со всеми место на Ангаре он стал считать самым хорошим местом для жизни. В 1941 году отсюда он ехал на фронт и был в числе тех сибиряков, стойкость которых в морозную страшную зиму помогла Москве устоять. Был ранен Иван Куликов в шею навывлет. За что-то существенно важное сам маршал Жуков сказал этому сибиряку: «Молодец...»

После войны заимка почему-то стала хиреть. Многие разобрали дома и перевезли на лодках в соседние села. Но Куликовы и еще кое-кто остались в поселке. И вот старики дожили до времени, когда все должно измениться, и очень скоро.

– Поселок-то будет затоплен. Не жалко хозяйство?

Старик вздохнул.

– Мы свое прожили. Вам, молодым, надо теперь глядеть, что жалко и что не жалко. Мои сыновья тоже вместе со всеми хлопочут. Оба – бурильщики...

Сыновей старика увидеть мне не пришлось. Но в конторе геологов застал я главного их начальника, человека медвежьей комплекции, добродушного и веселого, с фамилией, как нарочно придуманной, – Буров.

– Сейчас, знаю, будете спрашивать, сколько всего я тут набурил... Все начинают с этого, – опередил мои шутки главный бурильщик.

Зовут его Игорь Сергеевич. Сюда, на зимовку, с отрядом геологов он прибыл уже давно и по праву считается тут старожилом. Он знает местную жизнь, тайгу, людей, охоту, погоду, норы реки. Но главное дело его – буренье. Разведка буром необходима, чтобы надежно, на прочные скалы поставить плотину. И Буров бурил. На берегах Ангары и в русле ее (со льда) пройдено несколько тысяч скважин, заложено полторы тысячи шурфов, пробиты штольни.

– За фундамент ручаемся. Дело теперь за строителями.

Буровое свое хозяйство Игорь Сергеевич сейчас сворачивает.

– Двинемся дальше по Ангаре. Уже намечена точка...

Таким образом, покидает заимку и среднее поколение старожилов. На разведенном месте под стук топоров и урчанье моторов пускает корни жизнь совсем молодая. В семи километрах от берега заложен город (в поредевших соснах стоят там краны и домишки-временки), а прямо у Ангары идет накопление сил для главного наступления – жилые дома, общежития, склады, аэродром, детский сад, школа... И продолжают стучать топоры. Поселок растет, принимая в себя идущие по таежному зимнику, а летом по Ангаре машины, припасы для стройки и молодых поселенцев.

Сейчас их четыре тысячи. Одни с опытом Братска и Усть-Илимска, другие только тут набираются мудрости жизни...

– И что же будет в этом сосновом храме?

– Тут банька, а тут – столярня, – откликается парень, крепивший стропила над аккуратным маленьким срубом. Плотника-парня зовут Александр.

– Александр Слащинин, – представляется он, вытирая с ладоней смолу.

Заходим в его домишко... Когда-нибудь Александр и его жена Наталья (она топограф) заведут себе фабричную мебель в квартире, полной всяких удобств. Но, поручиться можно, нынешнее свое жилище будут они вспоминать с благодарностью. Бревенчатые стены; кровать, сработанная без претензий на большое изящество, но надежно; стол; табуретки; сосновый шкаф; скамейки; полка – все еще пахнет тайгой, все сработано в радости: «жизнь начинаем». На столе лежит много ходившая по рукам книга с надписью на обертке «Домоводство», на стене приколот букетик засохших здешних цветов.

– Издалека перебрались?

– Из Оренбурга.

Съездив на родину в отпуск, Александр привез с собой друга с женой. Теперь живут по соседству.

– Чем же понравилась жизнь на заимке?

– А все тут по мне. Дело хорошее и горячее. И время есть куда деть – на охоту хожу, рыбалка. Вольность тут чувствуешь...

На прощанье молодой плотник показал мне место, где будет стоять плотина.

– Как раз вот там, за краем поселка...

Пока мы в бинокль искали на правом, подернутом дымкой берегу Ангары точку, куда упрется плотина, подъехал шофер.

– Все уже в вертолете. Надо спешить.

Через десять минут мы вылетели и, сделав два круга, уже сверху с большим любопытством разглядывали заимку. Вон дом старика Куликова с коровой во дворе. Вон полинявший барак геологов. И, кажется, Буров сам стоит на пороге... Дом и банька Александра Слащинина... Задорная надпись на свежей доске: «Даешь Богучанскую ГЭС!» И пока еще спящая Ангара... Все это важно запомнить, потому что быстро-быстро все тут будет меняться.

Фото В. Пескова и из архива автора. Усть-Илимск, Кодинская заимка. 22–25 апреля 1978 г.

Птичьи постройки Окно в природу

В предзимье, когда опадает листва, когда кустарник и лес делаются прозрачными, мы во множестве видим эти постройки. Сейчас же все скрыто, спрятано в зелени, и только писк детворы выдает иногда птичий домик.

Человек на ночь спешит под крышу. Птица выспаться может и на сучке. Но чтобы вывести, вскормить потомство, большинство птиц строят жилища, и эти постройки – одно из чудес природы. Многообразие их описанию не поддается. Есть гнезда-малютки величиною чуть более коробка спичек, и есть гиганты (у орлов, например) весом до полутонны.

Строятся гнезда на скалах под облаками, на высоких деревьях, но много их и внизу, у земли, и даже в самой земле, в обрывистых берегах (так селятся золотистые щурки, сизоворонки, зимородки, ласточки-береговушки), а красавица птица чемга, непонятно за что прозванная поганкой, строит гнездо плавучее.

У каждого вида пернатых излюбленные места гнездовых. Иволга подвесит свой гамачок высоко на березе, клест построит гнездо под плотным пологом из хвои, черный аист выберет место в глухом, малодоступном для человека лесу, а белый его собрат, напротив, безопасность чувствует лишь возле наших жилищ.

Птицы, живущие рядом с людьми, легко приспосабливаются к изменению обстановки. Вороны, например, строят иногда гнезда на стрелах подъемных кранов, на опорах высоковольтных линий, а недавно в Ростовской области я обнаружил гнезда скворцов в металлических трубах, ограждающих полевой стан, и можно было только гадать, как выдерживают птенцы нагревание металла солнцем и как они выбираются из трубы, когда возмужают. Нередкое дело – гнездо синицы в почтовом ящике. Известен случай, когда трясогузка облюбовала для гнезда трактор и кормила птенцов, летая вслед за машиной.

Строительный материал для гнезд разнообразен: ветки, травинки, лыко, осока, древесный пух, а на внутреннюю отделку – волосы, шерстка и перья. Для опытного натуралиста иное гнездо – хороший справочный пункт: по шерсти, перьям и волоскам он сразу может определить, кто обитает в окрестностях. Дрозд рябинник, искусно сооружая гнездо, однако, обходится в нем без подстилки. Внутренность его дома в полном смысле оштукатурена землей с подмесом древесной трухи и очень напоминает аккуратную черепашку. Ласточка лепит гнездо из грязи, а в азиатских тропиках родственницы ее сооружают гнездо из слюны. (Гурманы такие гнезда употребляют в пищу, и блюдо «ласточкино гнездо» отнюдь не выдумка.) Для пингвина адели строительный материал – камешки. Самец прилежно носит их в клюве, а подруга его, сделав подобие круглой ограды, кладет в середине ее два яйца.

Птицы – наши соседи, пускают в дело все, что находят рядом. Стриж, лишенный возможности собирать строительный материал на земле, ловит ветром поднятые перья, нитки, соломинки, пух. Скрепляя находки быстро твердеющей липкой слюной, этот летун обходится легким гнездом-матрасом. Всеобщий любимец аист для подстилки птенцам носит различный хлам. (В одном гнезде я обнаружил обрывок чулка, кусок киноленты, страницу учебника алгебры, алюминиевую фольгу, детскую варежку, кусок шпагата, множество разноцветных тряпок и даже полинявшую двадцатирублевку, ходившую при Керенском.) Таким барахольщиком аист всегда и был. А вот новаторство. У меня хранится гнездо вороны-москвички, сооруженное из веток вперемишку с обрывками электрических проводов и кусками железной проволоки.

Строительство – дело всегда хлопотливое, и кое-кто из птиц предпочитает этим не заниматься. Одни кладут яйца прямо на землю (чибицы, козодои, филин), другие занимают чужие гнезда. Все наши совы, исключая сову болотную, – квартиросъемщики.

Главными поставщиками жилплощади в наших лесах являются дятлы и сороки. Дупло – убежище очень надежное, и после дятла его по очереди занимают многие птицы. Так же надежен домик сороки. Немаленький шар из веток с прочным глиняным основанием имеет боковой лаз, и всякий в гнезде поселившийся хорошо защищен. (Сорочьи гнезда в разное время года птицы используют как гостиницу для ночлега. Сами сороки, по моим наблюдениям, предпочитают ночевать большим коллективом в плотных молодых ельниках – спугнул одну, и вся ночлежка подымается по тревоге.)

Врагов у любого гнезда великое множество, и поэтому птицы всегда стремятся надежно его укрыть и всячески маскируют. Зяблики, например, внешние стенки изящной своей постройки шпаклюют мхами, лишайником, а если гнездо на березе – в облицовку идет береста. Иные же птицы гнезда не прячут, а селятся массой (береговушки, грачи, бакланы, пингвины, ткачики, цапли, чайки). Тут защита гнездовой идет всем миром, и надежность ее проверена жизнью.

И это тоже – гнездо!

Есть в птичьем мире герои и в одиночку постоять за потомство. В Антарктиде, снимая яйцо поморника (оно лежало на голем камне), я убедился в смелости этой птицы – поморник пикировал сверху, почти касаясь моей головы. Точно так же на острове Врангеля защищала гнездо полярная сова (увечий фотограф не получил, но шапка с его головы сбивалась

дважды). Однако такая смелость дана немногим. Большинство птиц защищают потомство разными хитростями: тщательно прячут гнездо, не выдавая гнезда, сидят в нем до крайней опасности, пытаются напугать, подражая шипенью змеи, отвлекают врага от гнезда, притворяясь ранеными. Но лучшее средство укрыться от непогоды и от врагов – построить маленький домик-крепость. Более всех преуспели в этом две наши синицы: длиннохвостая и синица ремез. Обе малютки, но обе первоклассные архитекторы.

Гнездо ремеза я много раз видел выставленным в качестве чуда в музеях, а этой весной в пойме Северского Донца обнаружил жилую постройку, наблюдал даже, как она возводилась.

В топком месте возле болота, на иве, на трех концевых свисающих книзу ветках, ветер покачивал маленькую корзину. Прутики ивы были в ней «арматурой», искусно оплетаемой ткацкой основой из волокон крапивы, а по основе скоро и споро шла набивка стенок корзинки пухом рогоза, росшего тут же невдалеке. Мое присутствие с фотокамерой двух маленьких пестрых ткачей слегка беспокоило, но работа не прекращалась. И постепенно корзиночка превратилась в глухой мешок с двумя отверстиями по бокам. Одно синицы заделали, а к другому пристроили характерный сосок-крылечко, через который то и дело юркали внутрь постройки.

Две недели примерно продолжалась работа, работа без чертежей, инструментов, без предварительного обучения. Крошечный мозг архитекторов хранил в себе наследственную программу действий, где все учтено: место гнездовья, строительный материал, технология ткачества, чувство формы и меры, надежность конструкций. И вот он – ткацкий шедевр, напоминающий, впрочем, не ткань, а плотный и прочный войлок. Такое гнездо висит невредимым несколько лет, разве что сами синицы в поисках дефицитного материала разбирают его на постройку новой своей рукавички.

Сейчас в этом доме у ремезов и повсюду в гнездах, больших и малых, растет, наливаются силой желторотая молодежь. Велик соблазн подсмотреть, как это все протекает. Однако остережемся, не зря в народе говорят о «дурном глазе». Малейшая наша неосторожность гибельна для гнезда. Тревожный крик родителей, незаметное для нашего глаза изменение обстановки привлекают к гнезду разных охотников за птенцами. Одичавшая кошка, лисица, ворона, сойка, обнаружив гнездо, оставляют его пустым. Недопустимо сейчас находиться в лесу, на лугу, на болоте с собакой, недопустимо, случайно обнаружив гнездо, кричать: «Эй, сюда!»

Июнь качает в своей колыбели разноголосую многоликую жизнь. Надо дать этой жизни спокойно стать на крыло.

Фото автора. 7 июня 1978 г.

От деда – внукам... Окно в природу

На минувшей неделе я получил три бандероли: книжку Сергея Владимировича Образцова, книжку зоолога Андрея Григорьевича Банникова и «Мурзилку» за июнь месяц от редактора журнала Владимира Федоровича Матвеева. Три разные книжки, но вместе по адресу «Окно в природу» они собрались не случайно, все три – разговор взрослых, умудренных жизнью людей с детьми о природе.

Листая книжки, я вспомнил знакомые с детства стихи: «Дедушка, голубчик, сделай мне свисток...» Два возраста, начальный и преклонный, тяготеют друг к другу. Жадность узнавания жизни и мудрость прожитого находят общий язык и общие радости. И первое, что роднит, что связывает начало и зрелость жизни, – радость от самой жизни. Мальчик ловит картузом солнечного зайчика, дед подставил зайчику руку – греется. И оба с интересом наблюдают, как ползет по скамейке с ношей маленький муравей, как дерутся у лужицы воробьи, как котенок крадется в траве у забора. Много вопросов у внука, и на все у деда жизнь накопила ответы. Кое-что, взрослея, внук, возможно, вспомнит с улыбкой. Всем нам знакомо, например, деревенское наставление: «Лягушку трогать нельзя, корова молока не будет давать». Забавно, но этот прием дедовской педагогики надежно спасал лягушек от цепких рук пятилетних естествоиспытателей.

Они и сейчас такие же любопытные, такие же цепкие, открывающие мир ребятишки. Мой внук недавно принес в картузе жабу: «Дедушка, давай сфотографируем, посмотри, какая она красивая!.. А потом мы ее оставим жить в доме». У каждого времени своя педагогика. Сейчас мальчишку не убедишь стращаньем «корова молока не будет давать», сегодня ему нередко надо еще объяснить, что такое корова. Но цели у воспитания во все времена одинаковы: пробудить у растущего человека любопытство ко всему, что дышит, зеленеет, цветет, издает звуки, что составляет понятие **жизнь**. Человек, ощутивший родство с многообразием всего живого, более стоек в волнах бытия, легче находит ответы на неизбежный вопрос о смысле существования, ему не нужен бог для объяснения чуда жизни, он будет внимательно-бережливым ко всему, что рядом с ним соседствует на земле.

Рисунки из книжек и «Мурзилки».

Человек, ведущий за руку внука, испытывает потребность передать ему эту простую, как воздух, мудрость. У каждого деда получается это по-разному. Но есть особо талантливые воспитатели, и знает их не одно поколение внуков. Дед Ушинский, дед Толстой, дед Пришвин, дед Бианки. В этот же ряд справедливо поставим живущего рядом с нами мудрого деда Сергея Владимировича Образцова. Все, что делает этот человек в искусстве, коротко можно назвать воспитанием вкуса к жизни. Сергей Владимирович убежденно считает: без любви к природе, без понимания природы человек не может ощутить всю радость праздника под названием **жизнь**. Одна из его прекрасных работ-размышлений называется «Удивительное рядом». По ней Образцов сделал фильм с таким же названием. (Отчего бы не выпустить фильм повторно? Он несколько не устарел!) Все помнят также вдохновенный киноразговор Образцова «Кому он нужен, этот Васька?» о месте животных в нашей жизни. Теперь же Сергей Владимирович написал книжку для совсем маленьких. Листая ее, прямо-таки видишь сидящего на скамейке мудрого деда в окружении ребятишек (их очень много, тираж у книжки 300 тысяч экземпляров) и чувствуешь интонации характерной речи Сергея Владимировича. «Хочется рассказать вам о том, что вспоминать стыдно, и о том, что вспоминать радостно...» Герои рассказа: воробьи, голуби, ласточки, белка, заяц, рыбки и сам рассказчик – Сергей Образцов. «Только тогда интересно жить, когда ты знаешь все, что тебя окружает». Сам Сергей Владимирович знает много и умеет не только рассказать обо всем, что увидел, но и показать, как все это выглядело. Рисунки для книжки (она называется «Так нельзя, а так можно и нужно») он сделал сам, написав на обложке: Сергей Образцов – детям.

Июньский номер «Мурзилки» рассказывает маленьким своим читателям о маленьких речках. Мы, люди взрослые, сами как-то не сразу и не так уж давно поняли, сколь много значат в жизни маленькие речонки, как важно все их беречь. Журнал об этом серьезном деле решил говорить с малышами, причем посвятил этому целиком номер. Я знал о замысле редакции и немного боялся: не получится ли однообразно, скучно и назидательно? Нет. Все удалось лучшим образом. Состоялось открытие маленьких речек, с интересными их названиями, удивительным миром животных, с их историей и проблемами. Все есть в «целевой» «Мурзилке»: интересное путешествие, стихи, загадки, задачи, игра, занятая и серьезная. И есть поэзия. Вот как, например, начинается «Мурзилка» один из рассказов: «Речки засыпают с вечера. Маленькие пораньше, на последней зорьке, большие попозже. Реки великие засыпают за полночь. Чем больше река, тем больше у нее дел...»

«Мурзилку» делают люди сравнительно молодые. Этот же специальный номер подготовлен по предложению и настоянию художника журнала Юрия Александровича Моло-

канова. Он ждал двух событий в этом году: рождения внука и выхода в свет «Мурзилки», сделанной по его замыслу. Но художник не дожид до июня. Светлый ручеек его наследства бежит сейчас к внукам. У «Мурзилки» тираж – без малого шесть миллионов. Это значит, почти в каждом доме, где есть уже читающие малыши, узнают, чем живы, чем дороги нам и куда текут по земле маленькие речки.

Третью из присланных книжек, «Мир животных и охрана его», для ребят постарше написал профессор Андрей Григорьевич Банников. В книжке понятно и просто рассказано о явлениях сложных и очень серьезных. О том, как животные влияют на облик земли, сколько их на планете, в каких отношениях живут они друг с другом и с человеком, существуют ли «вредные» и «полезные» животные, почему одни исчезают, другие сильно плодятся, что надо сделать для спасения исчезающих. Все это волнует сейчас людей взрослых, это обязательно надо знать также и детям. В книжке (выпустило ее издательство «Педагогика» в серии «Ученые – школьникам») есть популярный рассказ о знаменитой Красной книге. Удачным, продуманным оформлением до читателя донесен облик животных нашей страны, о которых надо позаботиться в первую очередь.

Я хорошо знаю Андрея Григорьевича, знаю, насколько занят этот ученый делами серьезными, неотложными. И все же нашел вот время для разговора с детьми. Достойный пример! Деду обязательно надо говорить с внуками, законы жизни этого требуют.

Фото из архива В. Пескова. 17 июня 1978 г.

Ванкувер верит в разрядку

Советско-американские отношения подвергаются сейчас испытаниям. Натиск сил, стремящихся вернуть мир к состоянию враждебности, так велик, что диву даешься стойкости простых американцев. Пропагандистская буря не может одолеть устойчивого соотношения: восемь людей из десяти по-прежнему хотят добрососедских отношений с Советским Союзом. Это показывают опросы общественного мнения.

Встреча ванкуверцев в аэропорту «Шереметьево». Имена гостей (все они члены «Чкаловского комитета»): Алан Коул и Стивен Смут (администраторы), Петр Белов и Ричард Боун (инженеры-строители), Стив Смолл (журналист).

Пятеро американцев, прибывших позавчера в Москву, принадлежат к этому большинству трезво и ответственно мыслящих людей. Все они граждане маленького городка Ванкувер в штате Вашингтон. Того самого Ванкувера, который восторженно и гостеприимно сорок один год назад встречал Чкалова и его спутников, прилетевших в Америку через полюс, Ванкувера, который и не забыл этого человеческого подвига. В 1975 году ветераны-летчики Г. Байдуков и А. Беляков были приглашены в маленький городок, и им оказали высшие почести. В городке в те дни был открыт монумент в честь славного перелета, и ванкуверцы остаются верными дружеским чувствам. Там создан и действует «Чкаловский комитет», сделавший имя летчика символом добрососедских отношений. Комитет организовал музей Чкалова в Ванкувере, несколько его членов прилетали в Москву на открытие монумента в честь перелета над полюсом. В нашей стране побывал журналист Стив Смолл, подробно и красочно рассказавший своим землякам о поездке.

Недавно в США комитет издал переведенную на английский язык книгу Георгия Филипповича Байдукова «Чкалов». Идут переговоры о создании совместного советско-американского фильма о перелете. Есть и другие хорошие планы, о которых будет идти теперь речь.

Фото автора. 15 июля 1978 г.

Храбрец Окно в природу

На съемке для «Мира животных» встретили зайца, молодого, не искушенного жизнью подростка. Попытался зверь убежать, однако не знал еще заяц, что оператор Яков Посельский тоже умеет бегать. Остановился заяц и стал наблюдать: что будет? Камера пожужжала издали, потом подвинулась ближе, потом нависла над самым ухом. И заяц решил за себя постоять. Сначала он шевельнул лапкой, потом сделал выпад в сторону камеры, потом, справедливо решив, что уязвимое место у жужжащего зверя – глаз, кинулся в объектив. Спасая нежные стекла, оператор вскочил, но разъяренный зайчишка жаждал победы полной. Он отбежал и с силой кидался на Яшкины ноги. Спасли оператора «бронированные» штаны под названием «джинсы» и полусмешливые-полусерьезные вопли о помощи. Мы хохотали, наблюдая, как победитель спокойно почистил одну о другую лапы и тут же взялся закусывать стебельком щавеля.

Общее мнение: заяц труслив. Он и правда надеется больше всего на ноги. Ноги уносят зайца от тысячи опасностей, стерегущих его повсюду. Лисица, волк, филин, рысь, ястреб, орлы, бродячие собаки, енот – все любят зайчатину. В молодом возрасте зайцу надо еще опасаться ворон и сорок. Ну и конечно, охотник с ружьем зайцу тоже не друг.

Сидит заяц тихо, полагаясь на цвет своей шкурки. Зимой она прячет его в снегу, летом – в траве. Уловил шорох – сразу уши торчком: определить, откуда опасность. Определил – немедленно уши прячет, чтобы не выдавали, и уже наблюдает глазами. И если опасность близка – вся надежда на задние ноги. Они у зайца длинные. Опережая передние, они, как пружины, толкают зайца вперед и вперед, прыжки бывают до пяти метров, скорость – под шестьдесят километров в час. Глядишь, и спасся. Однако от ястреба и от филина на открытом пространстве спастись непросто. В последний момент падает заяц на спину, и опять оружие его – ноги. Бьет сильно. Известны случаи: раненый заяц ударом ног распарывал полушубок, и беспечный охотник получал опасные раны на животе.

Это храбрость самозащиты. Известно, однако: зайчиха-мать смело атакует ворону или сороку, выследивших зайчонка. Тут храбрость зайчихи не знает предела. Хитрые птицы, правда, охотятся парой – одна отвлекает зайчиху, другая хватает зайчонка. И потому природой зайцу предписано: сиди незаметно и тихо, обнаружат – беги. Защита силой – последнее средство. Наш заяц-подросток прибегнул к силе отчасти по недостатку житейского опыта, отчасти потому, что ноги еще слабы. Но, может быть, это храбрец? Почему не быть храбрецу даже и среди зайцев.

Фото автора. 26 июля 1978 г.

Полуостров сокровищ

«Сделали море, надо и моряков заводить», – шумит Фрэд. В виду имеется море Братское – самый крупный из всех искусственных на земле водоемов. «Некоторые думают: а, море! Думают, можно его в калошах переходить. А в прошлом году беспечный катер накрыло штормом – до сих пор не нашли...»

А что касается моряков, то, говоря о Братском море, Фрэд вспоминает Плещеево озеро на ярославской земле, где, как известно, в потешных играх вырос создатель российского флота по имени Петр. «Сегодня игра, а завтра, глядишь, человек присылает открытку со штемпелем «Сингапур», – улыбается Фрэд и достает фотографии своих воспитанников уже в курсантской, мичманской и лейтенантской форме.

Игра в моряков тут, в Сибири, началась лет десять назад. Началось с прозаичной и знакомой, увы, на всех широтах проблемы: что делать с подростками? У тех, кто строил плотину на Ангаре, Братск и Братское море, подросли дети. И многие вдруг обнаружили: с Ангарой воевать при любых морозах было, пожалуй, легче, чем направить в нужное русло жизнь сына, ничего, кроме гитары, не признающего. Вот тогда и возникла идея морского лагеря для подростков. Автор идеи во времени затерялся, известен зато доброволец, сказавший: «Я за это дело берусь. «Педагогически запущенных» будем записывать первыми». Добровольцем был Фрэд. В Братске у этого человека едва ли не в каждом доме друзья. Они считали долгом отговорить: «Утонет какой-нибудь лоботряс – тюрьма». Фрэд и сам хорошо понимал, как может все обернуться, однако не отступил. «Если будем так рассуждать, все они, как котятка, начнут пускать пузыри в воде под названием – жизнь. Надо учить их плавать». Эту серьезную мысль Фрэд написал в дневнике. С друзьями же он, как обычно, шутил, обращая их одного за другим в единомышленников. Летом 1969 года в Зябском заливе Братского моря на маленьком полуострове открылся юношеский военно-спортивный лагерь «Варяг».

Сразу же скажем: за девять лет никто в этом лагере не утонул (а плавать многие научились!). И Фрэд, хотя и нажил седину в шевелюре, ничуть не раскаялся в деле, за которое взялся смело. В разговоре он даже признался: «Кажется, я нашел как раз то, чем мне и следует заниматься».

Три с половиной тысячи подростков прошли школу «Варяга». Кое-кто из «самодельного» моря выплыл уже в океан. Но главное, однако, не в этом. Все они, играя тут в моряков, узнают и первые трудности и заботы, с которыми человеку неизбежно придется встретиться и на воде, и на суше. Пот, мозоли, риск, ответственность, чувство взаимовыручки, ощущение победы – все это, познанное в игре, Фрэд называет «прививкой»: «Встретят потом реальные трудности – не растеряются».

И есть уже подтверждение этому. Письмо из армии: «Фридрих Павлович, часто Вас вспоминаю. Служба, признаться, нелегкая. На той неделе в походе вымокли так, что, кажется, только порох в патронах остался сухим, от усталости с ног валились. Кое-кто из ребят скис. Старший лейтенант у костра говорит: «Вот, берите пример» – и показал на меня. А я не мать, не отца сразу вспомнил, хотя и очень люблю их обоих. Вас вспомнил. Спасибо!»

Еще письмо. «...Геометрия, физика, кружок математики – все это очень любил. Но должен признаться сейчас: с наибольшей благодарностью вспоминаю не школу, а наши палатки в лесу. Мы тогда считали, что весело отдыхаем после учебы, сейчас я вижу: в нашем «Варяге» мы все серьезно учились» – это пишет студент с геологической практики. Много писем от моряков. А вот слова уже бывшего человека: «...Юношеский военно-спортивный лагерь «Варяг» мы считаем «действующим подразделением» Тихоокеанского флота на Братском море» – вице-адмирал С. С. Бевз.

* * *

Путевка в лагерь стоит 18 рублей. Получают ее родители старшеклассников по месту своей работы, в профкоме «Братскгэсстрой». И когда июньское солнце расплавит на море лед, двести подростков собираются в Зябской бухте...

Как-то так получилось, что детские лагеря отдыха стали у нас похожи на санатории для престарелых. «Для детей ничего не жалеем», – сказал мне директор большого московского предприятия, показывая минувшим летом современный дворец-поместье. И было на что поглядеть: дом-спальня со всеми удобствами, зал-столовая со стенами, украшенными майоликой, кинозал с мягкими креслами, цветник, скамейки, беседки, дорожки, покрытые красной кирпичной крошкой.

Создателя этого подмосковного рая, окажись они в Зябском заливе, остолбенели бы от удивления. Лагерь, в который прибывают двести подростков, представляет собою старый сосновый лес с местами для десяти просторных палаток. Из зимовавших в лесу построек они бы увидели только тир, легкий каркас столовой и скамеечки для кино. Это, однако, не бедность. «Братскгэсстрой» – организация мощная, тут и деньги считают не иначе как десятками миллионов, и строителей со стороны тут нет нужды приглашать, а бухгалтер Любовь Андреевна Суворова так относится к лагерю: «На баловство – ни копейки, на воспитание – столько, сколько необходимо».

Воспитание начинается с первого дня.

– Вот тут будем жить, – обычно говорит Фрэд, обращаясь к притихшим мальчишкам. – Все сделаем сами: поставим палатки, кровати, заготовим дрова для бани, покрасим и спустим на воду шлюпки, наведем тут порядок. Справимся, а?

Новички обычно молчат. Голоса, полные оптимизма, подают те, кто в лагере уже был: «Справимся!!!» Новичков же поначалу волнует главный вопрос: «А когда форма?»

Морская форма, будничная и парадная, по заказу «Варяга» пошита в мастерских Владивостока. И это первое сокровище, которым не терпится тут овладеть. Однако празднику получения формы предшествуют будни.

За четыре-пять дней лагерь преобразуется. Теперь он становится похожим на корабль, скользящий из сосен в воду: столовая стала похожа на верхнюю палубу, ниже – палуба для построений, тут же – каюты-палатки, мачта, командный мостик, два настоящих корабельных орудия на носу, шлюпки и катер у «борта». И уже не разношерстная галдящая ребятня, а юнги в матросской форме готовы к поднятию флага. (Фрэд: «Невозможно заметить, как растет трава. То же самое с воспитанием. Но в эти первые пять дней я отчетливо вижу, как мальчишки растут, меняются на глазах. Самое важное, они и сами это видят и чувствуют. Получая, например, форму, многие первый раз в жизни берут в руки иголку с ниткой – надо что-то подшить, подогнать. Показываем, объясняем. Пыхтят, пот градом, но маленькая победа, одержанная в таком простом деле, ценится высоко. Я слышал несколько раз, как говорят приехавшим в лагерь родителям: «Мама, я это сам сделал».)

И наступает день – «Варяг» поднимает флаг. Это значит – на сухопутном корабле все готово для жизни по морскому уставу. (Фрэд: «В этот день, стоя на мостике, я в самом деле чувствую себя капитаном. И в это же время кажется: тридцать пять лет сброшено и мне тоже четырнадцать».)

* * *

Корабельный устав – это в первую очередь дисциплина. Подъем в 7, поверка-отбой в 22.30. И все пятнадцать с половиной часов счастливо-длинного летнего дня строго распланы. Привыкать к такому порядку (зарядка – в любую погоду, «ранняя утренняя рыбалка сном не компенсируется») куда сложнее, чем облачиться в тельняшку и овладеть аппетитным морским словарем – вахта, салага, рында, чумичка, кореш, полундра, швабра, аврал. На мой вопрос, что любят юнги делать охотней всего, Фрэд говорит: «На первом месте – хождение в поход. Известие о походе встречается криком «ура». На втором – «ничего не делать», просто валяться на берегу. На третьем – спорт. Главная наша задача – противостоять второму желанию. Работу «Варяга» я измеряю тем, как и какими средствами этого достигаем».

Утром, на свежую голову, весь «Варяг» учится. Программа: море и моряки. (Фрэд: «Все самое-самое по истории мореходства: знаменитые корабли, великие открытия, памятные сражения. Особо – российский флот, подвиги моряков в боях за Отечество в минувшей войне и флот сегодня. Ну и, конечно, самое главное – морская практика».)

Морская практика на «Варяге» – это чтение карты, умение обращаться с компасом и секстантом, хождение на шлюпках под парусом и на веслах, вождение катера, десантная высадка, плавание, спасение оказавшихся за бортом, морская сигнализация, радиодело, стрельба, чтение лоции, акваланг... Поставим точку, хотя перечислена едва ли половина всего, чем заняты до обеда юнги под руководством молодых моряков, самого Фрэда и под пристальным взглядом бородатых и безбородых флотоводцев с портретов под соснами. (Фрэд: «Непременно заботимся, чтобы не было сухомытки. При точном плане занятий – импровизация, поощрение инициативы, элементов игры, дозволенной степени риска и трудностей».)

Кончается все купанием. А после обеда – футбол, гребля, соревнования по стрельбе, рыбной ловле, по бегу, по шахматам, есть и час «ничего неделания» – читай, грибы собирай, дурачься, хочешь – пиши письмо, хочешь – стихи. (Фрэд: «Ну и конечно, дается воля разным веселым затеям, начинаем, например, игру в «мумбо-юмбо-бол» – футбол «по-варяжски». Противники по двое связаны, вратарь у ворот – на веревке. От смеха даже вода на море трясется».)

Есть в «Варяге» дела прозаические – работа на кухне, вахта, уборка палаток и территории, драение палубы катера, мытье робы. И есть специальные дни, когда весь лагерь со знаменем, с котлом для пищи участвует в трудовом десанте – едет работать в Братск. (Фрэд: «Тут

сачковать считается делом позорным. Ставим на видном месте флотское знамя и на виду у него вкальваем. Работаем дружно и так, что работа всегда видна: корчем под пашню пни, убираем территорию какого-нибудь завода, затариваем кирпич. Вечером мозоли показывают как награду. Бывает, командиры и юнги валяются с ног от усталости, зато уж знаем: деньги, которые в нашу кассу переведут, честные, а о работе с уважением скажут: это «варяжцы»...)

Спешу рассеять возможное впечатление: не замучены ль тут мальчишки, не велика ли нагрузка? – лето же... Не замучены. Нагрузки тут обязательны. Они планируются. Задорное, коллективное исполнение всяческих дел и занятий значительно их облегчает. По-настоящему эту школу ценят потом, когда «понюхают жизнь», но и тут, в лагере, мальчишка способен уже понять: отдых, веселье, забавы хороши именно после нагрузок.

О юморе, об интересных затеях и играх в «Варяге» рассказать можно много. И кое-что, наверно, полезно тут перенять уже и для этого лета. Вот как проходит, к примеру, знаменитая «Рындыбулина» – поиски клада в лесу. Весь лагерь – пять экипажей – получает записки, из которых можно узнать лишь место, где надо искать другую записку, а потом карту, по которой надо отыскивать клад. Карта, понятно, замысловата, полна таинственных знаков, намеков, ложных ходов. Нужны смекалка, знание топографии, лесных примет, слаженность в поиске. Часа через два где-нибудь в километре от лагеря слышатся вопли счастливых – мешок с большой банкой джема, конфетами и сгущенкою найден!

Венец желаний и всеобщая радость – многодневный поход. В любую погоду, с едой, палатками, радиостанциями и морскими приборами десант «Варяга» высаживается где-нибудь в незнакомом месте, и все тут идет по законам полевой жизни. Расписание дня такое же, как на базе, но много тут новых забот и радостей. С базой же устанавливаются «военные отношения». Разведке десанта дана задача: однажды ночью проникнуть в лагерь и унести флаг. Вахте базы полагается не дремать. И все же разведчик-радист, подобравшийся к лагерю, подает однажды сигнал: «Задремали...» (Фрэд: «В этой игре я – главный посредник. Связали сонную вахту и овладели флагом – победа. Если же обнаружены и сами повязаны – победа за базой. Победитель получает сразу много очков в соревновании экипажей. А это для осени, когда начинают «считать цыплят», имеет большое значение».)

Возвращаясь к делам не столь романтическим, я спросил Фрэда: а кидают ли после отбоя друг в друга подушками? «Кидают. Но это не самая большая из наших забот. На сон грядущий стали читать им по радио главы из интересных книжек. Слушают, утихают. И мы хорошо уже знаем, когда приходит минута сказать: спокойной ночи, друзья».

* * *

Педагогические проблемы... Они, разумеется, есть. Их и не может не быть, если примерно десять процентов подростков имели приводы в милицию и ходили в «педагогически запущенных». (Фрэд: «С ними, конечно, хлопотно. Но, удивительное дело, именно эти мальчишки часто становятся самыми большими энтузиастами лагерной жизни. Наблюдая за ними, чувствуешь: не хватало мальчишкам занятости, возможности отличиться. В здоровых условиях показать силу, сноровку, смелость. Такой возраст...»)

Проблемы тут могут быть специфическими, и решать их приходится не по стандарту. Вот, например, возвратился ходивший в город по увольнению юнга. Расстроен, даже заплакан – «двое городских мальчишек отняли тельняшку». На это реагировать можно всяко. Совет командиров реагирует так. Собирает весь лагерь для срочной беседы. Беседа идет о тельняшке, о том, что значит она для морского братства, почему во время войны матросы ходили в атаку в тельняшках и почему фашисты смертельно боялись людей в полосатых рубашках. Тут же упрек пострадавшему: «Если б вернулся ты поцарапанным, с разбитым носом, а то ведь, наверно, отдал, как только сказали «снимай». (Фрэд: «Утром парень под-

ходит и снова просится в город. Я отпускаю. Возвращается в тельнике. В подранном, правда. Но с какой радостью вечером на поверке мы объявили об этом. И надо было видеть счастье мальчишки. Тельняшку я вручил ему новую, а побывавшую в переплете перед строем отдал на память – береги, будешь знать: за себя надо уметь постоять».)

Другой пример. «Хотим пойти на шлюпке». – «Ветер. Вам трудно на веслах будет вернуться». – «Вернемся!» – «Выручать не будем». Настаивают: «Вернемся!» (Фрэд: «Возвращаться было действительно трудно. Я на катере вышел навстречу. Обрадовались: «Берите нас на буксир!» «Нет, – говорю, – покажите характер. На веслах – значит, на веслах». Проще, конечно, было бы на буксире – нам, командирам, меньше хлопот, им облегчение мгновенное. Однако два с половиной часа борьбы с сильным ветром были хорошей наукой: во-первых, вкусили, что значит поступать легкомысленно, а во-вторых, почувствовали – трудность можно преодолеть».)

Главный принцип воспитания в лагере: мелочно не опекать, не запаздывая, однако, ни с поощрением, ни со взысканием. Чтобы мальчишки почувствовали себя окрыленными, поощрения хватает порою и маленького – благодарность перед строем во время вечерней поверки, письмо родителям, фотоснимок в стенной газете или просто мимоходом сказанные слова: «Молодец, действовал верно». В числе наказаний – выговор на поверке или там же – шутивное замечание, от которого виноватый чувствует себя неуютно среди смеющихся. Сильное средство – дня на два лишение формы. (Фрэд: «Ощущения белой вороны никому не приятны».)

И соревнования... Из-за нередкого, к сожалению, формализма, из-за того, что слово «соревнование» употребляют нередко всуе, само понятие здорового соперничества обесценивается. А между тем соревнование лежит в естественной природе человека. И подросток, начиная утверждать себя на земле, участвует в нем охотно и радостно. Жизнь лагеря, где все на виду – аккуратность постели, результат в спорте, знания, труд, заслуги и погрешения, – дает умелым организаторам соревнования надежный педагогический инструмент. (Фрэд: «Важно лишь соблюсти полную объективность и справедливость в оценке. И награду, если она обещана, победитель должен получить непременно».)

Награды в «Варяге» великолепны. Экипаж-победитель (40 человек) под конец пребывания в лагере садится на самолет Як-40 и облетает Братск, Братское море, видит сверху плотину на Ангаре, видит свой лагерь в Зябском заливе, своих друзей, кидающих в это время кверху пилотки...

Двенадцать – пятнадцать человек, отличившихся лично, получают награду, еще более привлекательную: на заработанные деньги в конце лета они едут к лучшим друзьям «Варяга» – к морякам Тихоокеанского флота в город Владивосток.

* * *

Дружба эта началась сразу. В первый же год существования «Варяга» Фрэд поехал на флот, рассказал там о лагере и попросил о поддержке. Молодой еще адмирал слушал его внимательно и сказал: «Дело хорошее. Считайте, что Братское море соединяется теперь с Океаном». (Фрэд: «Спустя какое-то время мне домой позвонили со станции: «Пришел специальный поезд. Явитесь получить груз». Являюсь. У теплушек – морская охрана. По всем правилам воинского порядка передали имущество: катер, шлюпки, корабельные пушки, две учебные торпеды, морские приборы, флаги, много учебных пособий».)

А летом в лагерь приехали восемь молодых курсантов Высшего военно-морского училища для прохождения практики, какую они обычно проходят на кораблях. Училище послало лучших своих воспитанников. И теперь уже каждое лето двенадцать курсантов являются в Братск и становятся командирами-воспитателями. (Фрэд: «Мои мальчишки и

эти молодые еще моряки, сами вчерашние мальчишки, друг к другу тянутся как магниты. К моменту закрытия лагеря дружба становится просто трогательной. Проводы командиров – стихийное выражение накопившихся чувств. Отъезжающих окружают плотным кольцом и почти на руках несут до автобуса. Потом все вместе едут в аэропорт. Стоят, пока самолет не взлетит и не скроется в небе. Провожали вот так же, помню, Володю Рыжих, так дело дошло до слез. Трое ребят стояли на вахте и не могли излиться в общем хоре прощания. Сменившись, они прибежали в последний момент. Украдкой сунули командиру записку. Развернул записку Володя, и вдруг вижу, у парня потекли слезы. На клочке случайной бумаги было написано: «Володя, мы тебя никогда не забудем. Не забывай и ты нас». Теперь Володя – морской офицер. Однажды посчастливилось встретиться. Конечно, вспомнили лагерь и тот отъезд. Смотрю, достает моряк офицерскую книжку, раскрывает, вижу, лежит в ней тот самый лоскут бумаги: «Мы тебя никогда не забудем».)

Связь «Варяга» с Высшим военно-морским училище двусторонняя. К Братскому морю едут курсанты на практику, во Владивосток уезжают учиться те, кому лагерь «Варяг» помог выбрать дорогу к морю. Каждый год десять – двенадцать «варяжцев» поступают в морские училища. Из них училище имени адмирала Макарова – особо для них почетное.

В честь всех, кто в морские училища поступил, в лагере, чуть в стороне от линии построения, двумя рядами сажают березы. Мне объяснили: «Это дерево в честь Володи Цибульского, это – в честь Игоря Тютрюмова, Вячеслава Зыкова, Сергея Арцыбашева, Виктора Сирыка...» Кончает военно-морское училище и сын Фрэда Александр Юсфин. Недавно прислал письмо: «Ходил в плавание штурманом. Получил благодарность. Спасибо, отец, за науку».

Из заработанных в «трудовые дни» денег учредили недавно в лагере стипендии для «варяжцев» в училище. Невеликие деньги эта стипендия – десять рублей всего, но можно представить, сколько тепла приносит курсанту эта забота корешей с Братского моря.

Ежегодная осенняя поездка во Владивосток отличившихся в лагере – особый праздник на линии «Океан – Братское море». Якорь приехавшие обычно бросают в военно-морском училище. Их ставят тут на довольствие, и наступают для мальчишек из Братска полторы недели очень счастливой жизни. Знакомство с училищем, братание «со своими», осмотр Владивостока – порта, кораблей, памятников и музеев. Флот принимает «варяжцев» тепло

и сердечно. С ребятами беседует сам адмирал. Потом посещение больших кораблей, подлодки. С цветами они идут к монументу героям легендарного крейсера, чье имя носит и лагерь.

Особая встреча – на борту корабля, главного шефа «Варяга». Это новейший ракетный крейсер. Все, что можно на нем показать, гостям показывают. (Фрэд: «Весь корабль, от командирского мостика до машинного отделения, в нашем распоряжении. Мы чувствуем: наше присутствие, горящие глаза мальчишек, их любопытство – праздник на корабле. После взаимных отчетов в каюте у командира – рассказ обо всем интересном, что было за год на крейсере, и обо всем интересном, что было в нашем «Варяге», – обед в кают-компании. Воспоминания. Шутки. Морские истории... После поездок во Владивосток ребята уже навсегда «больны морем».)

Так «самодельное» Братское море соединяется с Океаном.

* * *

О самом Фрэде... Осенью ему исполнится пятьдесят, и, конечно, в «Варяге» он – Фридрих Павлович. Но только официально. Между собой юнги зовут его Фрэд. (Фрэд: «Фридрихом родители нарекли в честь Энгельса. Им было известно, что Маркс называл своего друга Фрэдом. От родителей и пошло».)

Закалку жизнью Фрэд Юсфин получил во время войны. И убеждение: «Надо растить мужчин» – это, помимо всего, еще и опыт собственной жизни.

После войны Фрэд добровольцем ушел во флот. На подлодке «Щ-310» служил с командиром Петелиным Александром Ивановичем – «суровым, знающим, справедливым». В честь командира уже на суше, в Братске, Фрэд назвал Александром сына, а когда в 1962 году подводная лодка «Ленинский комсомол» подо льдами достигла полюса, послал командиру ее телеграмму: «Служба под вашим командованием была и остается лучшей школой жизни». И получил от Петелина теплый ответ – командир помнил подводника Фридриха Юсфина.

В Братск Фрэд приехал тоже в числе добровольцев, начинавших новую жизнь в палатках. Он был тут диспетчером стройки. Хорошим диспетчером. Однако «частицей истории Братска» Фрэда сделал его талант заводилы, веселого, общительного человека, организатора кипевшей тут молодой жизни. Я это знаю не по рассказам, я помню Братск той счастливой поры, помню, например, вечера в до отказа набитом «Глобусе», клубе – детище Юсфина. (Фрэд: «Да, есть что вспомнить. В зале на двести мест каким-то образом умещалось шестьсот – семьсот человек».)

Из большой стройки Братск стал теперь немаленьким городом. Новые люди, новые интересы, новый ритм жизни. Многие из создателей Братска уехали – повышение по службе, семейные обстоятельства, иные взгляды на жизнь. Фрэд остался. И для меня он – хранитель всего хорошего, чем создавался город на Ангаре.

Лагерь «Варяг» – ноша нелегкая. В два потока за лето «прививку» в нем проходят четверста человек. И не «кадры для моря», а «кадры для жизни» – основная забота Фридриха Юсфина, человека с редким талантом воспитателя-вожака. Для него лагерь – не служба, для него лагерь – жизнь. И мальчишки хорошо это чувствуют. (Фрэд: «Удивительный возраст. Если во взрослом человеке они почувствовали друга – в огонь и в воду пойдут. При таком доверии мера ответственности очень большая».)

Самим мальчишкам мера ответственности их вожака часто совсем не видна. Между тем существует житейское море со своими фарватерами, маяками, сигнальными знаками, мелкой водой и подводными камнями. Прокладывать новый курс в этом море – всегда нелегкое дело. Вот для примера один эпизод.

На четвертом году существования «Варяга» команда из семи человек решила пройти на шлюпке по Ангаре до Иркутска. По Ангаре вверх на шлюпках никто никогда не ходил. Ходили лишь «бечевой» – на веревках лодки тянули идущие берегом лошади. К серьезному путешествию хорошо подготовились, все было испытано и проверено. А накануне отплытия Фрэда срочно вызывает Ответственное Лицо.

– Кто разрешил?

– Этот поход в плане нашей работы...

– А если что-нибудь с ними случится, кто отвечать будет?

– Я их готовил и, конечно, за все отвечаю. Между прочим, на шлюпке вместе со всеми – мой сын...

В заключение разговора Фрэду дали листок бумаги, и он написал: «...Всю ответственность как начальник лагеря беру на себя». (Фрэд: «Я сделал это спокойно, потому что был совершенно уверен в ребятах».)

И все же легко ли было после этого провожать шлюпку и ни намеком, ни словом не сказать о состоявшемся разговоре. «Действуйте, как учились. И все у вас будет в порядке», – это было словом-напутствием.

Все и было в порядке. За девятнадцать дней три пары гребцов с рулевым одолели встречное течение Ангары. Иркутск встречал победителей. Прямо с ходу они стали участниками шлюпочных соревнований и, несмотря на усталость, заняли в них призовое место. (Фрэд: «Но главным призом для всей семерки стала высокая точка отсчета в мужестве и выносливости. Шестеро из ребят стали или через год уже станут офицерами-морьяками. И, я уверен, Родина может надеяться на этих людей».)

Случай с походом на шлюпке был серьезным экзаменом для «Варяга». Ответственное Лицо тоже получило хороший урок и теперь совсем иными глазами смотрит на лагерь.

У лагеря много сейчас друзей. Начальник «Братскгэсстроя» Леонид Иванович Яценко считает «Варяг» опорной точкой в воспитании молодежи. С его одобрения Фрэд хлопочет сейчас о строительстве судна, чтобы не только коротким сибирским летом, а и весь год заниматься с мальчишками. (Фрэд: «Это будет интернат на воде. Мы уже мысленно окрестили его школою юнг».)

Размышляя об этой новой затее, я спросил Фрэда, сознает ли он, как велика ноша, которую добровольно кладет на плечи: построить судно, пусть даже на базе баржи, – это не шлюпку построить. Фрэд сказал: «Сознаю. Но это важно. И сделать это необходимо».

Спустя полгода я увидел Фрэда уже с тремя томами документов под мышкой. Оказалось: съездил в Ленинград, рассказал о «Варяге» на комсомольском собрании проектно-конструкторского бюро Министерства морского флота. И вот она – комсомольская солидарность! Во внеурочное время молодые конструкторы изготовили проект судна. Дело теперь за строительством. И мы надеемся: все, от кого зависит помощь сибирякам, с пониманием встретят ходатайство ребячьего вожака Фрэда Павловича Юсфина.

* * *

И заключение. В подмосковном лагере, упомянутом в самом начале этого очерка, устроили прошлым летом «вылазку в лес». Были палатки и был костер. Но палатки для отроков заранее ставили взрослые люди, они же рубили дрова для костра и готовили пищу. Согласимся, что это крайний случай «заботы о детях», заботы, которая ничего, кроме горького сожаления, не приносит. Но согласимся также: это ведь характерно для большинства лагерей, это вообще характерно сейчас в воспитании.

Прививку против болезней делают в раннем возрасте. И болезнь потом уже не страшна человеку. В раннем возрасте также надо приучать человека к преодолению всего, что неиз-

бежно встретится в жизни. Особо касается это подростков, из которых должны вырастать мужчины, а не изнеженные растеньица. Делать это, разумеется, надо не только в лагере. Но лагерь – особо подходящее место для этого. Можно ли, отбросив заблуждение «не перегрузить бы ребят», а главным образом страх «как бы чего не случилось», вести дело так, как следует его вести? Как видим, можно. Кое-кто скажет: «Но там вот нашелся такой человек...» Верно, от вожака-человека в таком воспитании много зависит. Но люди, подобные Фридриху Юсфину, совсем не былинки в поле. Надо их находить, доверять им, поддерживать.

...А «Варяг» в девятый раз поднял на маленьком полуострове свой романтический флаг. Вчера я звонил туда расспросить: что нового? как дела? Вот что ответил Фрэд:

– Все в порядке. Шесть курсантов-дальневосточников: Федоров Игорь, Турищев Игорь, Салищев Александр, Семенов Александр, Никита Ильченко и Алексей Гладушевский – прибыли к нам и приступили к обязанностям...

В лагере в этом году свой духовой оркестр. Когда грянет марш, даже у меня, бывалого кашалота, мурашки по телу. А утром побудку делаем музыкальной строкой «Наверху, товарищи, все по местам...».

Пополнили библиотеку. В Братске у нас жила архивариус Инеева Ольга Илларионовна. Была она страстной путешественницей. Но могла путешествовать только по книгам. Когда умирала, сказала сестре: «Книги – в хорошие руки». И теперь эти книги у нас. Листали вчера – Стивенсон, Конрад, Станюкович, Новиков-Прибой, Тур Хейердал... – ощущение, что держишь в руках сокровища...

Юнга Чижиков Игорь пришел с заявлением отпустить его домой. Говорит, у него там хомяк и двадцать шесть канареек. Они, мол, скучают. Мы понимаем – парню первые дни трудновато. Говорю: возьми хомяка в лагерь. Попросил разрешения подумать. День будем думать – и он, и я...

Большая задача этого лета – в шлюпочных походах начать делать лоцию (описание берегов Братского моря). Будем делать. Как говорили древние, плавать по морю необходимо...

Такие дела на полуострове в Зябском заливе.

Фото автора. Братск – Москва. 16 июля 1978 г.

Проселки

Проселок по Далю – это «расстоянье и пути между селеньями в стороне от городов и больших дорог». Это глухая, не очень ухоженная дорога. Ее всегда поругивали. «Ехать проселком – дома не ночевать». И верно. Застрясть на проселке – обычное дело. Колеса телеги после дождей увязают по ступицы, а на нынешних «Жигулях» на проселок лучше и не заглядывать. В ином месте лишь трактор одолевает колдобины, переезды через ручьи, подъемы, спуски.

С хозяйственной стороны поглядеть – погибель эти дороги. Всю быструю жизнь тормозят. Овощ, не увезенный вовремя с грядок, вянет, хлеб мокнет, яблоко-слива гниют. Иное дело шоссе: утром – в Москве, вечером – в Конотопе. Быстрота и всему экономия, времени в первую очередь. Радость большая, когда проселок превращается в асфальтированную дорогу. Жизнь, ставшая на резиновые колеса, требует и дорог подобающих.

Но для странствия, для хождения по земле с котомкой, теперь называемой рюкзаком, и для небыстрой езды на надежной машине что за чудо эти плохие дороги-проселки! По опыту знаю: по шоссе ехать – ничего не увидеть. Много ли замечает мчащийся по шоссе из Москвы в Симферополь?

Попроси рассказать – помнится, признается: если что и запомнил как следует, так это съезды с гладкой дороги на ее неудобные для езды ответвления. Шоссе при нынешних скоростях почти что воздушная трасса – большую страну можно перемахнуть и ничего не увидеть.

Проселок – иное дело. Тут дорога тебя ведет не спеша, ко всем подробностям жизни. Всего ты можешь коснуться, ко всему как следует приглядеться. Радости и печали тут живут обнаженными рядом с дорогой. Все крупное на земле соединил сегодня асфальт. А деревеньку в четыре двора ты увидишь только тут, у проселка. Из ключа, текущего у шоссе,

кто из нас решится напиться? А проселок может привести тебя к роднику, и ты изведешь вкус первородной воды, ничем не сдобренной и здоровой. Скрипучий мосток. Проезжая его, прощаешься мысленно с жизнью. Однако ничего, переехали. Стоишь, наблюдаешь, как в омутке играют резвые кресноперки. Чья-то пасека возле старинных лип, оставшихся после усадьбы. Чьей? Тебе называют по книгам знакомое имя, и ты стоишь пораженный: вот тут Он ходил, под этой липой, возможно, сидел, наблюдая за облаками, за этой дорогой, убегающей в перелески... На проселке ты можешь остановиться, изумленный полоской неизвестных, скорее всего, каких-то заморских растений. Батюшки, да это же конопля, которую сеяли ранее всюду. Теперь ее посеяла только эта вот сидящая на завалинке бабка. «Зачем же теперь конопля?» «А блох выводить!» – простодушно отвечает старуха.

Дорога от крайнего дома, где растет конопля, спускается к лугу, потом, огибая ржаное поле, углубляется в лес. За лесом ты опять уже видишь на синеющем взгорье светлый шнурочек – дорога пошла к другой, незнакомой тебе деревне. Ничто любопытного человека не дразнит так сильно, как эти проселки по древним российским землям. Запахи трав. Звоны кузнечиков. Урчание лягушек в болотце. Следит за тобой с сухого дерева птица. Пастух притронулся к козырьку, отвечая на приветствие проходящего. На проселке версты не бывает, чтобы с кем-то не перекинулся словом, а то завяжется разговор – не хочется расставаться. В августе я проехал на «газике» по проселкам Псковской, Новгородской и Калининской областей. Ехал по делу. Не слишком долгой была дорога. И все же проселки оставили в памяти много желанных и чаще всего неожиданных встреч.

Пастух

У рощи играл рожок... Мы открыли дверцу машины, заглушили мотор и боялись поверить ушам. Пастуший рожок! Эту музыку где услышишь теперь? В кино, по радио. А тут дорога уготовила нам подарок, удивительный в своей натуральности. Пастух сидел спиной к нам у березы и разливал по поляне мелодию, какую и родил-то, возможно, пастуший рожок: «Сама садик я садила...» Под тягучие звуки черный пес пастуха шевелил ухом, коровы лениво щипали траву, стрекотали кузнечики в бурьянах. А березы у края рощицы, казалось, вот-вот пробудятся от дремоты и пойдут хороводом.

– Вот такая арматура, – сказал пастух, вытирая тряпицей пищик рожка.

Он несколько не удивился нашему появлению, не заставил себя уговаривать сыграть еще что-нибудь. Закончил и опять сказал весело:

– Такая вот арматура. Интересуетесь – заезжайте с заходом солнца домой, вместе повеселим душу.

Вечером гроза повредила электролинию. Старик поставил в бутылку свечу и при ней разложил на столе богатство свое – пищики, сделанные им самим из веточек волчьего лыка. Он крепил их к рожку, пробовал, поясняя:

– Этот – играть с баяном, этот – под балалайку, этот – с роялей в паре, этот – для кардиона. А этим баб по утрам подымаю с постелей.

Далее шел рассказ о том, как, где и с каким успехом играл пастух на рожке.

– На эту музыку спрос большой. В Москве на концерте как дунул – все: ах! И рты поразинули. В Ленинграде играл, в Калининне, тут, у себя, на свадьбах, ну и коров в лесу этой музыкой собираю.

Веселое балагурство пастуха-музыканта слушала, прислонив голову к печке, его жена Лидия Матвеевна. На замечание: «Нет, наверное, в округе человека веселей ее мужа» – она, согласная, улыбнулась.

– Он у меня огонек...

Старику без года семьдесят. Пастушество начал с десяти лет.

– Мы, зубцовские, – все пастухи. Из других мест в отхожий промысел шли плотники, портняжничать, шли пильщиками, официантами, сапожниками. А мы – пастухи. Сотнями уходили на лето к Москве и под Тверь. И все знали: зубцовский – значит, пастух... Вот такая была арматура.

Девятилетним мальчишкой с новым кнутом и узелком пышек осилил Сергей Красильщиков путь с Верхней Волги почти до Москвы – полторы сотни верст пешим ходом. И вот пятьдесят лет – пастух. Были в этой работе и перерывы. Перед войною освоил трактор. Воевал в танке. После войны в колхозе «Сознательный» был бригадиром и председателем. Однако все это Сергей Осипович вспоминает как нечто второстепенное. Главная линия жизни – пастух.

– Я скажу, профессия самая хорошая, ежели кто понимает. Ну, конечно, дождички неприятны, и просыпаться надо следом за петухами – тоже не сладкое дело. Зато уж все твое на земле: видишь, как солнце всходит, как птица гнездышко вьет, как зверь в лесу обитает. Небо, травы, день без конца и вся духовитость земли как будто для тебя созданы. Ходи и радуйся. Пастуха-то всегда считали почти что нищим, а я посмеивался – богаче меня и нет никого на земле! Вот такая арматура...

Мелодия вечера: солнце садится – пастух веселится.

Сейчас пастухам платят исправно. Четыре сотни целковых – да я не пастух, а полковник! Однако радость, как прежде, вижу не в деньгах. Семьдесят за плечами, а я весь день на ногах – молодым не угнаться. Весел. Здоров, хотя и клюнут железом дважды – в живот и в руку. В зеркало гляну – глаза, как у подпaska, с блеском. Чарку могу опрокинуть. Всегда компанию поддержу. И вижу, что нужен в людском обороте. Ну и конечно, вот – дом, жена, дети, внуки. Чего же еще желать человеку? У печки в прежней позе тихого согласия стоит жена пастуха. В открытое окно к свечке летят мохнатые мотыльки. Старик, подбирая нужные пищики, вспоминает одну мелодию за другой: «На диком берегу», «Калинка», «Прощай, радость моя» и кое-что из «своего сочинительства».

– Эту утром обычно играл. Эту вот в полдень – себя подбодрить и чтобы коровы не разбредались. А это – вечер, солнце садится – пастух веселится. Такая вот арматура. Инструмент, глядите сюда, проще и некуда. Коровий рог, к нему, гляди-ка, трубочка из рябины вся в дырках – по ним пальцами прохожусь, ну и пищик. Однако дуньте-ка, что получится?.. Бо! На рожке и раньше не каждый пастух играл. На рожке труднее, чем на гармошке. От того и плату пастух-рожечник получал иную, чем безголосый пастух. И при найме непременно тебе вопрос: играю ли на рожке? Особо этим бабы интересовались. И, конечно уж, им угождал – под рожок просыпаться приятное дело... А теперь я на много губерний остался, пожалуй, один. Меня уже можно за деньги показывать.

Нашу беседу со снисходительным любопытством слушал сын пастуха Сергей, такой же веселый и откровенный, как и отец.

– Ха, чепуха какая – рожок. Да появишься с этой музыкой в ПТУ, засмеют...

– А ты появишься, появишься, – горячится старик. – Ты появишься! Ревом, понятно, кого удивишь? Ты появишься с музыкой. Вон, погляди, смеются там или нет?

Вблизи избы пастуха на бревнах и на скамейках в полутьме августовского вечера сидят люди, явно привлеченные звуком рожка.

– Дядя Сергей, «Меж крутых бережков» можно?

– Вон, слышишь, просят? Слышишь – «Меж крутых бережков». И так всегда. Заиграл – сейчас же люди. И всегда тебе благодарные.

Старик отыскал нужный пищик и сел поближе к окну.

Он сыграл «Меж крутых бережков», потом по просьбе женского голоса «Хуторок». И под конец по-свойски весело крикнул в окно, в темноту: «Концерт окончен, пора на насести!»

Мы вместе с Сергеем-младшим стали собираться на сеновал.

– Выпейте молока на ночь, – сказал пастух, принимая из рук жены большую стеклянную банку.

Пока пили, старик опять незлобливо и, видно, не первый раз вразумлял сына:

– Смешон не рожок. Смешно, что ты от этих пространств, от этой вольности в таксисты хочешь податься... Такая вот арматура, – подытожил он разговор. – Валяйте на сеновал. Но вы не слезайте. Это будет просто сигнал: я пошел на работу.

Утром мы и проснулись от звуков рожка. Через прореху в крыше был виден реденький сад с покосившейся загородкой. За садом к Волге спускался лес. Здесь он наполнен был подсвеченным солнцем туманом. Верхушки высоких сосен, берез и елок темнели в тумане, как острова. В соседнем сарае чутко переговаривались гуси. Слышно было: где-то в подойник бьет струйками молоко. Шуршала на сеновале мышь. И сладко посапывал младший Сергей. А старший Красильщиков, судя по звукам рожка, был уже за околицей. Он извещал селенье над Волгой, что день начался и надо его встречать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.